

БОРЬБА ЗА СТАТУС ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ И КОНЕЦ СТАРОГО ФИСКАЛЬНОГО РЕЖИМА

Ричард Бонни

Идеи меркантилистов и камералистов оказали глубокое влияние на европейских правителей XVIII века. «Финансовая система, оставленная отцом в наследство сыну и постоянно совершенствуемая, — писал в своих мемуарах Фридрих Великий, — может изменить положение государства. Бедное государство благодаря ей способно приобрести такие богатства, что окажется в состоянии бросить свою песчинку на весы баланса между великими европейскими державами». Властители осознавали существование тесной связи между экономическим ростом, процветанием подданных и усилением своего финансового и военного могущества. Иосиф II утверждал, что «к армии он был привязан менее, чем к финансам»; если бы он мог сократить размер своей армии и превратить своих подданных в тружеников, то так бы и сделал; но ответственность перед страной вынуждала его «сочетать необходимые меры безопасности с благосостоянием государства». Ему приходилось также обличать тех правителей, которые тратят все свои силы на «незначительные завоевания» и достижение «мелких преимуществ», при этом растрачивая реальный капитал своего государства и на долгие годы оставляя его без ресурсов. Аналогичные взгляды выражали и правители мелких государств. Так, о ландграфе Гессена Фридрихе II говорилось, что он хороший государь, который любит своих подданных и любим ими; но при этом его «самой сильной страстью» является армия, а причины этой страсти «коренятся в его любви к деньгам и к прибыли» — при том что Гессен занимал исключительное положение, монополизировав рынок германской «торговли солдатами».

И все же, даже если правители подыскивали себе лучших советников, чем когда-либо доселе, и в принципе знали, что им следует делать в смысле управления своими государствами, из этого не следует, что они всегда находили разумные решения. Прусской модели в некоторых отношениях следовала Австрия и даже Гессен; но прусские *régie* (отку-

пы), даже построенные по образцу французских *ferme générale*¹, в долговременном плане проявили ряд изъянов, и от некоторых экспериментов пришлось отказаться даже в самой Пруссии. Та степень, в которой советники из числа физиократов и камералистов могли реально оценить фискальный потенциал того или иного государства, остается предметом дискуссий. В данном отношении наиболее красноречивые свидетельства нам дают неудачные переговоры о передаче Иосифу II Баварии в обмен на австрийские Нидерланды. Правда, осуществление такого предприятия всегда было делом рискованным вследствие опасности войны с Пруссией и скрытой оппозиции Франции. Но в 1784–1785 гг., незадолго до смерти Фридриха II Прусского, появилась реальная возможность сделать такой ход, который принес бы колоссальные территориальные приращения, а за ними, как признавал сам Иосиф, последовали бы серьезные административные перемены. Однако Кауниц, главный советник Иосифа II, оказался неспособным понять, в чем заключаются реальные интересы монархии. Пять из шести вопросов, которыми Иосиф II задавался в связи с этим обменом, относились к сфере финансов, и на каждый он получил отрицательный ответ. В результате обмена император терял 400 тыс. налогоплательщиков, а баварская армия насчитывала всего 4000 человек; кроме того, ожидалась потеря 4 млн талеров дохода, при том что терпимой считалась потеря лишь одного миллиона. Австрийские советники решили, что австрийские Нидерланды приносят больший доход, чем Бавария, и принесут еще больше, если открыть реку Шельду, результатом чего станет возрождение бельгийской торговли. По сути же, они даже не сумели толком решить элементарную задачу на сложение, поскольку по их же цифрам доходы от Баварии могли достигнуть 6,25 млн талеров, что гораздо ближе к аналогичному показателю для австрийских Нидерландов, чем к предполагавшейся величине ежегодных баварских доходов в 4 млн талеров. Согласно реальным цифрам, доходы от Баварии были выше, чем от австрийских Нидерландов (8 млн и 7,6 млн соответственно), и при более компетентной администрации, нежели правительство электора Карла-Теодора, они могли вырасти еще на треть. Потенциальные доходы от Баварии, возможно, были не так велики, как от австрийских Нидерландов, которые являлись еще и источником займов, однако к 1787 г. Иосиф II уже открыто сожалел о том, что сделка не состоялась, потому что она сулила объединение «ядра» габсбургских земель.

Таким образом, близорукая поглощенность фискальными вопросами в ущерб более широкому стратегическому и экономическому задачам порой приводила к фатальным ошибкам. В целом, правители XVIII века могли ожидать увеличения своих доходов, особенно косвенных налогов, в результате экономического развития и в первую очередь роста населения. Как в своем сочинении «Против Макиавелли»

1. Конторы откупов (фр.).

1739 г., так и в «Завещании» 1768 г. Фридрих Великий провозглашал максимум о том, что «реальная мощь государства зависит от численности его подданных». Он противопоставлял безлюдные просторы русской Сибири небольшой, но густонаселенной Голландии, с точки зрения как доходов, так и военной силы — не в пользу первой. Прусское государство тратило серьезные суммы на то, чтобы привлечь в страну иммигрантов, и к 1780-м гг. их число достигло четверти миллиона при общей численности населения в 4,75 млн человек, то есть иммигрантом был каждый двадцатый. Другие государства, в первую очередь Австрия и Россия, последовали прусскому примеру, проводя программы колонизации, и лишь в 1770-е гг. стали выражаться первые серьезные сомнения в разумности поощрения иммиграции вследствие присущей населению тенденции к росту. Взамен образа густонаселенной и процветающей Голландской республики Мальтус в 1798 г. предложил образ густонаселенного и нищего Китая; но еще в 1767 г. сэр Джеймс Стюарт предупреждал, что слишком большое население не сможет обеспечивать себя продовольствием и начнет вымирать от голода, а Неккер в 1775 г. говорил о «всевозможных лишениях», которые влечет за собой излишний рост населения. Однако эти новые идеи вплоть до конца столетия не получили широкого признания. Вне зависимости от нашего отношения к мнению о том, что численность европейского населения с 1320 по 1720 г. если и выросла, то лишь незначительно (при том что это мнение опровергается хотя бы данными по Англии и Швеции, не считая менее очевидных примеров), после 1720 г. реальный рост населения зафиксирован практически повсюду. Население австрийских земель с 1740 по 1787 гг. выросло с 12,7 до 20,7 млн человек. Население Франции, в 1715 г. насчитывавшее 19–20 млн человек, к 1789 г. увеличилось до 29 млн, и в наполеоновскую эпоху сохраняло стабильную численность примерно в 30 млн человек. Наиболее быстрый рост населения наблюдался в Британии, славившейся своей малочисленностью; в период между «славной революцией» и окончанием войны за независимость США оно увеличилось на 46 процентов, составляя к 1815 г. 10–12 млн человек, или 15–17 млн, если учитывать население Ирландии. Правительства были гораздо больше заинтересованы в подсчете своего населения, чем когда-либо прежде; настал век «протоцензуса» (причем проводившегося не только в фискальных целях), хотя реальная перепись населения в современном смысле была изобретена лишь в XIX веке. Кроме того, исчерпание продовольственных ресурсов вследствие роста населения стало предметом серьезного политического беспокойства, а вопрос о зерновой «либерализации» — устранения традиционных барьеров в «политике», или управлении торговли зерном, — превратился к середине века в существенный политический фактор, как и создание хлебных складов на случай войны или недорода. Законная цена хлеба стала весьма щекотливым вопросом, поскольку она была связана с проблемой государственного вме-

шательства в рыночные процессы, что наиболее драматическим образом проявилось в период «максимума» (максимальных цен) во время французской революции.

С повышением благосостояния и ростом населения доходной базы государства могло бы стать достаточно для обеспечения его потребностей. Однако этого не случилось из-за негибкости фискальных систем большинства европейских государств, структуры привилегий и налоговых льгот, сомнительных последствий повышенного налогообложения и обострившейся борьбы между государствами за великодержавный статус. Хотя грубые соотношения между численностью населения и армии имеют ограниченную ценность (необходимо также учитывать колебания численности армии, изменение числа иностранцев, служащих в национальных армиях, и т. д.), очевидно, что одни государства были намного милитаризованнее других и что это могло оказать серьезное влияние на их способность к экономическому развитию и на фискальное бремя их подданных. В 1786 г. Пруссия по численности населения стояла на тринадцатом месте в Европе, а по размеру армии — на четвертом (или даже на третьем). Однако даже Фридрих Великий в последние годы жизни начал признавать, что содержание огромной армии является непосильной обузой для экономики и что для государства налогоплательщики и производители товаров гораздо важнее, чем солдаты. Армия Гессена была еще более непропорционально крупной по отношению к численности населения, чем прусская. Поскольку англичане были вынуждены брать на службу гессенских наемников, они тем самым субсидировали гессенских налогоплательщиков, чье налоговое бремя было вдвое меньшим, чем в Пруссии. Собственно, размер налогов на душу населения в Гессене был одним из самых низких во всей Священной Римской империи и даже снижался в течение XVIII века. Таким образом, успехи государства и процветание его жителей зависели от организационных способностей его правителей. Благодаря реформам в Пьемонте-Савойе это государство сделалось гораздо более сильным, чем можно было бы ожидать, исходя из его размеров и численности населения.

І. ФИСКАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЗДНИХ ВОЙН ЛЮДОВИКА XIV

В конце XVII века наступила эпоха «политической арифметики». Советники старались склонить своих правителей на сторону той или иной финансовой системы, расхваливая их относительные достоинства и сравнивая относительный размер государственных расходов и долгов. «Счастливы те королевства, которые обильны столь опытными политиками», — писал Чарльз Давенант вскоре после Рисвикского мира (1697). Он полагал, что французский долг гораздо выше, чем считалось (долги Англии он оценивал в 17,5 млн фунтов, долги Голлан-

дии в 25 млн и долги Франции в 100 млн фунтов). Эти цифры можно оспаривать, но они важны для нас как напоминание о том, что рост государственной задолженности представлял собой важнейший экзамен на зрелость государства: управление долгом имело критическое значение для воюющих стран еще до 1698 г. и стало одним из ключевых вопросов в затяжных войнах XVIII века. Кроме того, государства были озабочены тем, каким образом привести отток средств на покупку товаров и услуг и финансирование заграничных войн в соответствии с притоком аналогичных средств. Отсутствие положительного баланса платежей имело бы катастрофические последствия для обменного курса: «Если у нас не будет средств для оплаты армии, чужестранцы наверняка приберут наше серебро к своим рукам, ибо обменный курс определяется торговым балансом». Континентальные государства Европы в этом отношении обладали преимуществом: их заграничные войны обычно велись на небольшом удалении от страны. Что касается Австрии, Пруссии и России, они могли непосредственно снабжать свои войска; Франция и Соединенные Провинции не всегда практиковали непосредственное снабжение, но большая часть запросов, исходящих из армии, частично или полностью оплачивалась внутри страны. Но и в этом случае чистый отток драгоценных металлов из Франции был нормой во время зарубежных войн XVIII века, поскольку во Францию с 1710 по 1792 гг. не ступала нога завоевателя, и ее войска действовали в Германии, северной Италии, Нидерландах и Северной Америке. После «Славной революции» способность Англии оплачивать свои военные издержки зависела почти исключительно от положительного сальдо внешней торговли, что являлось невероятно рискованной политикой, поскольку в XVII в. английская торговля обычно сокращалась во время войны; более того, внешняя торговля терпела убытки из-за каперов и требовала введения конвойной системы, которая порой шла вразрез с потребностями военно-морского флота.

XVIII век начался и завершился одним и тем же образом: всевропейской войной, которая имела определяющее значение для расклада как экономической, так и политической власти в глобальном масштабе. Именно в этом заключалась сущность борьбы между Англией (или Великобританией, после принятия в 1707 г. Акта об объединении с Шотландией) и Францией, происходившей с 1689 по 1815 гг. — иногда эту борьбу называют «второй Столетней войной». В Англии после «славной революции», а в особенности после воцарения Ганноверской династии, Франция считалась «естественным и неизбежным врагом». И тем не менее борьба, разумеется, велась между пятью государствами, а не двумя, причем Австрия обычно принимала сторону англичан, а Испания оказывалась во французском лагере; за возможным исключением разве что Испании, Соединенные Провинции были первым европейским государством, сумевшим провести одновременную мобилизацию мощной армии и флота, и они оставались наиболее мо-

гущественной державой в смысле своего места в мировой экономике по меньшей мере до 1740 г., невзирая на то, что Утрехтский мир представлял собой серьезное политическое поражение Нидерландов и стал для Британии первым важным шагом на пути к смене голландцев в роли доминирующей торговой державы. Девятилетняя война (1689–1697; Десятилетней войной она была для Франции, начавшей ее в конце 1688 г.) представляла собой наиболее систематическую из когда-либо имевших место попыток вести экономическую войну. Англия и Голландская республика, при жизни Вильгельма III вступив в уникальный союз, имели возможность потребовать от своих союзников, Испании и Австрии, присоединиться к блокаде Франции. Подобного единства в экономической войне больше не наблюдалось до времен наполеоновской Континентальной блокады, которая носила совершенно иной характер.

Напротив, Война за испанское наследство, хотя и необходимая с голландской точки зрения по экономическим соображениям, включала в себя лишь частичный запрет на торговлю с Францией и южными Нидерландами и вовсе никакого запрета на торговлю с Испанией и испанской Америкой. Возрожденная после 1706 г. голландская торговая гегемония в южных Нидерландах была непопулярна в Британии и внесла серьезный вклад в развитие англо-голландских трений на последних этапах войны. Когда голландцы по глупости отвергли французские мирные предложения 1709–1710 гг., пожинать экономические преимущества сепаратного мира с Людовиком XIV выпало на долю британского правительства тори. Однако эксплуатация тех возможностей, которые давал контракт *asiento* — право привилегированного доступа к испанским колониальным владениям — оказалась для Великобритании нелегким делом и привела к англо-испанской войне 1739–1748 гг. По торговому договору, заключенному в 1750 г. между двумя странами, Британия отказалась от *asiento*. Однако британское торговое доминирование в XVIII веке было обеспечено вовсе не дипломатической победой 1713 года. Оно стало итогом двух последних войн с Людовиком XIV. Во время Войны Аугсбургской лиги английская торговля пребывала в полном упадке, и механизм выплат функционировал только благодаря порче монеты; но даже это не смогло предотвратить серьезного снижения обменного курса в 1695–1696 гг. Англии очень повезло, что вследствие надвигающегося конфликта из-за испанского наследства Франция поспешила заключить мир в тот момент, когда продолжать войну было очень трудно. Напротив, Война за испанское наследство сопровождалась быстрым ростом британского экспорта, в частности благодаря спросу на одежду в разбухших вооруженных силах северо-европейских стран (важным рынком для Англии стала Россия, хотя австрийская и шведская армия по уставу обеспечивались отечественной тканью) и временному упадку торговых соперников вследствие прямых военных действий либо учреждения высоких акцизов.

Великая Северная война нарушила балтийскую торговлю зерном и тем самым открыла новые рынки для британского экспорта зерна.

Но в первую очередь Война за испанское наследство закрепила за Британией место на двух рынках, действительно имевших большое значение из-за их развития в XVIII веке, причем таких, на которых присутствие Британии в 1700 г. оказалось под угрозой: речь идет об Испании и Португалии. Более того, Британия получала доступ к их колониальным рынкам. Поставки в Португалию, Испанию и их колониальные империи в среднем обеспечили половину, а порой и две трети общего роста британского экспорта за первые сорок лет XVIII века. И особенно важной для успеха Британии оказалась эксплуатация ею «старейшего союза» с Португалией. В XVII в. Португалия при режиме графа Эрисейра (ум. 1690), «португальского Кольбера», пыталась следовать меркантилистской политике, нацеленной на исключение других стран из своей колониальной торговли. Такая протекционистская политика трещала по швам вследствие развития лузитано-атлантической экономики и роста бразильского золотого экспорта в частности. Благоприятные для Англии условия торговли с Португалией были обеспечены Кромвелем в 1654 г.; но договор Метуэна от 1703 г. фактически превращал Англию в наиболее привилегированного торгового партнера Португалии и гарантировал, что бразильское золото будет попадать в Англию через Португалию. Договор Метуэна открыл для Англии новый источник драгоценных металлов, благодаря чему денежная масса в Британии могла возрасти теми же темпами, что и промышленность с торговлей. Адам Смит был прав, утверждая, что «почти все наше золото... происходит из Португалии».

Первоочередное значение этой всемирной экономической конкуренции имело своим следствием то, что военные возможности воюющей державы оценивались не только ее способностью содержать крупную полевую армию, но и наличием флота. В этом состояло одно из различий между перво- и второстепенными державами, признававшееся современниками. Англия занимала уникальное положение, с 1689 г. взяв на себя «двойные обязательства» по содержанию армии и флота, в то время как Франция в 1693 и 1704 гг. была вынуждена отказаться от крупных морских операций. Даже во время Семилетней войны Франция не могла одновременно финансировать и сухопутную армию, и флот, размерами не уступавшие британским. Великобритании же было нелегко выбрать между сухопутной или морской войной: «Безопасность Европы необходима для безопасности Британской империи. Мы не можем их разделять», — заявил лорд Окленд в 1799 г. в парламенте. Расходы на одновременное ведение войны обоих типов, нередко на театре всемирного масштаба, имели колоссальное значение для разбухания государственного бюджета. Вторым фактором, обусловившим рост военных расходов, а следовательно, порождавшим необходимость в увеличении доходов с целью избежания сильной за-

долженности, стало увеличение размеров армий. Несмотря на многочисленные исторические дискуссии о «революции в военном деле», завершившейся к 1660-м гг., размер отдельных полевых армий редко превышал 25–30 тыс. человек. Напротив, во время последних двух войн Людовика XIV полевые армии численностью в 50–100 тыс. человек стали нормой, причем у французов эти цифры были еще более высокими. Размер французской армии значительно вырос за последние два десятилетия правления Людовика XIV: в 1689 г. в армии насчитывалось 158 тыс. человек, но эта цифра возросла до 273 тыс. человек к 1691 г. и почти до 400 тыс. человек к 1693 г.² Такая величина оставалась максимальным размером армии на любых театрах военных действий, допустимым с точки зрения ресурсов французской монархии при «старом режиме», а в реальности размер французских войск в 1710–1792 гг. существенно снизился, обычно не превышая 150–200 тыс. человек.

Рост численности армий имел очевидные последствия для государственных расходов: Мале, один из главных чиновников министерства финансов, докладывал, что расходы за 1708–1714 гг. в среднем составляли 218 млн ливров, а во время Голландской войны 1672–1678 гг. эта же цифра равнялась лишь 99 млн ливрам. Продовольственный кризис 1693 г. сократил налоговые поступления государства, и войну удалось продолжить лишь благодаря относительному успеху нового подушного налога, введенного в 1695 г. по примеру австрийских Габсбургов. Угроза французским рубежам означала, что после 1693 г. на содержание большого флота уже не оставалось средств. Этот вакуум заполнили каперы, которые сперва действовали против английского и голландского судоходства; к 1709 г. французская торговля незаконно (но с полученного чуть ранее благословения французского министра финансов Шамийяра) проникла в испанскую империю в Южной Америке, несмотря на союз между Людовиком XIV и Филиппом V. Франция могла финансировать ведение военных действий благодаря масштабному импорту драгоценных металлов, который в 1709 г. составил 30 млн ливров. Провал гертруденбергских мирных переговоров в марте 1710 г. резко обострил вопрос о финансировании войны: к середине июля единственным выходом представлялось продолжение войны — в противном случае Людовику XIV пришлось бы согласиться с требованием противников о том, что Филипп V не должен оставаться королем Испании и при необходимости даже пойти войной на своего внука с целью низвергнуть его с престола. В этих обстоятельствах следовало создать новую армию, но реальной подготовки к этому не велось, поскольку многочисленные переговоры предыдущего года зародили надежду на урегулирование по одному из самых серьезных предметов раздора. Кроме

2. Впоследствии Наполеон оценивал максимальный размер армии при Людовике XIV в 546 тыс. человек в 1692 г.; но такие цифры могли получиться лишь при учете численности милиции. Здесь милиция исключена из расчетов.

того, после беспорядков, вызванных голодом 1709–1710 гг., который получил известность как «великая зима», в распоряжении у правительства не имелось налоговых поступлений для оплаты новой армии. После резкого пересмотра бюджета в конце лета 1710 г. был поспешно принят новый налог — «десятина», — авторы которого вдохновлялись голландским примером. По-видимому, французские министры считали, что успех нового налога имел большое значение для того, чтобы привести противников в чувство; в реальности же победа тори на выборах 1710 г. выбила почву из-под ног у военной партии в Великобритании, и голландцам осталось лишь вымалывать те уступки, которые они могли получить после заключения «коварным Альбионом» сепаратного мира.

Слабость французской валюты, особенно по отношению к испанскому дублону или пистолу, играла важнейшую роль в неуспехе французских военных начинаний между 1689 и 1714 гг. В течение обеих войн французское правительство не проводило более-менее последовательной политики регулярной девальвации, в то время как испанское правительство после 1686 г. никогда не отказывалось от своей политики стабилизации денежного обращения. Таким образом, обменный курс, который приобрел большое значение во время Войны за испанское наследство из-за вставшей перед французским правительством необходимости оплачивать пребывание своих войск на Пиренейском полуострове, более-менее последовательно изменялся в пользу Испании; французские товары в Испании продавались за менее привлекательную цену, нежели голландская или английская контрабанда. Так, несмотря на значительный ввоз драгоценного металла во французское королевство через Нант, Сен-Мало, Ла-Рошель и Байонну, одновременно с тем, несмотря на все усилия правительства, существенные суммы нелегально вывозились в Женеву через Лион. В результате королевство столкнулось с острой проблемой нехватки металлической монеты. Для решения этой проблемы использовались самые разные меры, включая введение пресловутых *billets de monnaie* (ассигнаций) и последующего условия о том, что этими бумагами следует оплатить четверть всех издержек транзакции. После 1708 г. Демарец изъясил большую часть этих бумаг из обращения и снял все условия, связанные с их использованием; но дефицит финансов оставался в порядке вещей, и к моменту смерти Людовика XIV в 1715 г. государственный долг находился в районе 1250 млн ливров, хотя Демарец представил эти цифры так, что сразу этого было не понять.

В любом случае, соглашения 1713–1714 гг. не стали для Франции большой проблемой, но положение страны было не такое, чтобы и впредь проводить авантюристическую внешнюю политику. Против серьезного финансового бремени в последние годы Войны за испанское наследство решительно восставали привилегированные классы, давая понять, что они согласны платить десятину лишь до окончания войны, и регент

в 1717 г. уступил им, отменив этот налог. После этого Лоу в 1718–1720 гг. сделал попытку расширить кредитный рынок, уменьшить сумму государственного долга и заменить металлические деньги бумажными в качестве главного средства обмена. Но чрезмерное увлечение этой системой (а вовсе не сопротивление заинтересованных группировок) привело 17 июля 1720 г. к ее окончательному краху. Доверие к финансовым новшествам и к бумажным деньгам было подорвано на долгие годы³, причем Лоу, отнюдь не уменьшив государственный долг, напротив, ухитрился увеличить его примерно на 700 млн ливров и (вопреки своим намерениям) усугубить экономическую депрессию. Даже после волевого сокращения бумажных долгов посредством *визы*, долг все равно составлял около 1700 млн ливров, и вряд ли стоит сомневаться в том, что прошло целое десятилетие, прежде чем Франция начала оправляться от краха системы Лоу. Ревальвация *livre tournois* (турского ливра) в 1726 г. и его относительная стабильность вплоть до 1785 г. вернули столь необходимое доверие к валюте, ранее принесенное в жертву агрессивной французской внешней политике. Доходы французского государства в мирное время выросли с 207 млн ливров в 1727 г. примерно до 344 млн в 1768 г., благодаря чему произошло и скромное увеличение реальных доходов, хотя их подсчет зависит от того, как оценивать уровень инфляции. Важнее то, что реальное налоговое бремя мирного времени даже сократилось по сравнению с предыдущей эпохой мира. Вплоть до начала Семилетней войны в 1756 г. военные операции проводились в относительно небольшом масштабе: финансовые потребности Войны за польское наследство (1733–1738) успешно сдерживались, и даже Война за австрийское наследство (1740–1748) не нарушила финансового спокойствия во Франции.

В противоположность Франции и несмотря на то, что Филипп V сохранил свой трон, Испанию заставили дорого заплатить за мирные соглашения 1713–1714 гг., по крайней мере в смысле территориальных уступок, но ее финансовое положение было гораздо более благоприятным. Во-первых, вопреки тому, чего можно было бы ожидать, доходы Филиппа V во время Войны за наследство в реальности возросли: общие поступления увеличились с 120,3 млн *reales de vellón* в 1703–1704 гг. до 229,4 млн в 1713 г., в разгар войны с Каталонией, главным образом благодаря безжалостной эксплуатации таких чрезвычайных источников доходов, как доходы церкви, конфискация собственности бунтовщиков и дополнительные налоги. Вторым, более поздним, аспектом финансового выздоровления стали долговременные последствия отмены привилегий Арагона и Валенсии в 1707 г. и Каталонии в 1714 г. Эти меры позволили к 1718 г. распространить фактическое прямое налогообложение на внешние провинции страны, с которыми никогда

3. Можно сказать, что отчасти оно было восстановлено с учреждением *Caisse d'escompte* («Учетная касса») в 1776 г.

не удавалось совладать Габсбургам; к тому же моменту они обеспечивали примерно десятую часть всех доходов правительства. Так, хотя по оценкам на май 1787 г. поступления достигали 84 млн *reales de vellón*, при том что расходы находились на уровне 122,9 млн, финансовое положение страны в 1717–1718 гг. было намного более надежным: правда, расходы составляли 237,9 млн, но и доходы достигали 236,4 млн. Впоследствии темпы роста доходов упали, и барьер в 300 млн был окончательно превзойден лишь после Войны из-за уха Дженкинса (1739–1748), да и то лишь с целью оплаты возросших расходов.

Судьба держав-победительниц 1713–1714 гг. в смысле роста их государственных доходов и стабильности финансов оказалась совершенно разной. Хуже всего среди трех победителей приходилось австрийским Габсбургам, поскольку при Леопольде I и налоги, и кредитные возможности по большей части контролировались властями различных подчиненных территорий. Попытка мобилизовать в 1703 г. армию в 129 тыс. человек привела к колоссальной нагрузке на финансы. Ежегодные военные расходы во время Войны за испанское наследство, по крайней мере после 1704 г., в среднем превышали 20 млн флоринов. При Карле VI, несмотря на новую финансовую политику, реального роста чистых доходов так и не удалось добиться; государственный долг вырос с 52,1 млн флоринов в 1718 г. до 99 млн в 1739 г., и это без учета отдельных долгов правительств Милана и Брюсселя. Австрийские Габсбурги во время войны неизбежно попали в сильнейшую зависимость от иностранных субсидий, в первую очередь от британских, которые выдавались вплоть до дипломатической революции 1756 г. Но и при этом наследственное проклятие Марии-Терезии (которая писала о себе как об оставшейся «без денег, без кредита и без армии») 1740 г. стало предпосылкой для военного поражения в Войне за австрийское наследство и привело к необходимости реформ, проведенных Гаугвицем в 1747–1749 гг.

Вторая держава-победительница 1713–1714 гг. (Соединенные Провинции) находилась в лучшей форме, но была жестоко разочарована мирным договором и явно оказалась на грани финансового краха после трех продолжительных и дорогостоящих войн с Францией между 1672 и 1713 гг. Благодаря образцовой отчетности мы точно знаем, что лишь один раз до 1660 г. (в 1643 г.) общий размер голландской армии превышал 60 тыс. человек. В период Голландской войны (1672–1679 гг.) очень большая численность армии наблюдалась в 1673–1675 гг. (от 88 до 93 тыс. человек), но планка в 100 тыс. человек была преодолена лишь в 1695 г. Напротив, в 1702–1713 гг. размер голландской армии всегда превышал эту цифру; ежегодные военные расходы достигали 24,4 млн гульденов в 1703 г., 27,7 млн в 1708 г. и 29 млн в 1712 г.; неудивительно, что к концу Войны за испанское наследство финансы республики находились в плачевном состоянии. По оценкам 1713 г., война обошлась республике примерно в 128 млн гульденов, в то вре-

мя как одни лишь проценты по государственному долгу Голландии в промежутки между Неймегенским миром и Утрехтским миром почти удвоились. Более того, рост населения здесь был значительно ниже, чем в других странах, и реальное повышение доходов являлось труднодостижимым. При пересчете на текущие цены налоговые поступления в Голландии с 1725 по 1790 гг. выросли примерно лишь на 25 процентов, а во Франции и Великобритании — примерно на 35 процентов; но в отличие от этих двух монархий, реальные налоговые поступления, то есть при пересчете на постоянные цены, сократились. Более того, как утверждал в 1771 г. Исаак де Пинто, основные факторы, обеспечивавшие голландское верховенство во всемирной торговле, к 1760-м гг. начали отмирать.

Бесспорным победителем в 1713 г. оказалась Великобритания, хотя ее государственный долг с 1697 г. более чем удвоился (36,2 млн фунтов в 1713 г. по сравнению с 16,7 млн в 1697 г.), в то время как средний уровень расходов во время войны также был значительно выше, чем в 1690-х гг. (7 млн фунтов вместо 5,5 млн). Средняя общая численность вооруженных сил — то есть и флота, и армии — выросла со 116 с лишним тысяч человек во время Девятилетней войны до 135 с лишним тысяч человек во время Войны за испанское наследство. К моменту финансового краха 1720 г. («Пузырь Южных морей» по меньшей мере отчасти стал откликом на первоначальный успех системы Лоу) государственный долг превышал 50 млн фунтов, но впоследствии сократился в мирные 1720-е и 1730-е годы. Но и при этом к концу Войны за австрийское наследство (1739–1748) долг более чем удвоился по сравнению с 1713 г., составив 76 млн фунтов, и еще раз почти удвоился к окончанию Семилетней войны (1756–1763) — с 74 млн до 132,6 млн фунтов. Однако ни в одной из войн после 1714 г. нефундированная часть государственного долга не превышала 20 процентов, а в большинстве случаев была ниже 10 процентов: произошел решительный поворот к долговременной задолженности (фундированная задолженность впервые превысила нефундированную только в 1712 г.). Средние ежегодные расходы во время Войны за австрийское наследство были лишь незначительно выше, чем во время последней войны с Людовиком XIV (8,78 млн фунтов и 7,06 млн фунтов соответственно), главным образом благодаря сокращению численности армии военного времени. Однако в ходе Семилетней войны расходы более чем удвоились, достигнув среднегодовой цифры в 18 млн фунтов; основную роль здесь сыграло увеличение размера армии, превышавшего 90 тыс. человек. К 1760 г. военные расходы были эквивалентны большей доле национального дохода даже по сравнению с Войной за испанское наследство (15,5 процента по оценке для 1760 г. и 14,5 процента для 1710 г.). Помимо размеров вооруженных сил в военное время, тяжелым бременем для финансов стали субсидии союзникам: 7 млн фунтов за время одной лишь Войны за испанское наследство, и 24,5 млн фунтов между 1702 и 1763 гг.

И если британские субсидии были очень важны для Австрии, а впоследствии и Пруссии, то контракты на поставку наемников для Британии являлись животворной влагой для Гессен-Касселя: в 1702–1763 гг. в качестве оплаты за наемников сюда поступило 25 млн талеров, что равнялось половине всех государственных расходов. «Эти войска — наше Перу, — заявлял в 1745 г. ландграф Вильгельм VIII. — Потеряв их, мы лишимся всех своих ресурсов». Британская стратегия стала очевидной еще во время Войны за австрийское наследство: она заключалась в том, чтобы связать французскую мощь войнами в материковой Европе, субсидируя врагов Франции, производить блокаду французских портов с целью пресечь деятельность вражеского флота и использовать британские военно-морские силы для колониальных завоеваний и приобретения ведущей позиции в торговых перевозках, которая определялась исключительно размерами торгового флота. Поначалу эта политика не всегда была успешной: расчлнить испанскую империю в 1739 г. оказалось гораздо сложнее, чем ожидалось; эта политика принесла свои плоды лишь во время Семилетней войны, представлявшей собой чистейший пример войны XVIII века, в ходе которой британская заморская торговля возрастала, и соответственно росла таможенная выручка — отчасти благодаря заморским военным расходам.

2. ФИСКАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ПРОСВЕЩЕННОГО ДЕСПОТИЗМА»

Великая борьба между Швецией и Россией за господство в восточной Балтике завершилась в 1721 г. решительной победой России. Однако до 1697 г. все как будто указывало на то, что Швеция имеет все шансы на сохранение своей гегемонии в этом регионе. Благодаря учреждению Карлом XI системы *indelningsverket* (военных поселений) Швеция приобрела постоянную оборонительную армию, которая в мирное время могла финансироваться путем выделения определенных статей дохода на ее содержание; это позволяло войскам жить с земли, не нанося ущерба сельской экономике. Карл XI сократил государственный долг с 44 до 11 млн талеров и держал про запас 2 млн талеров на экстренные расходы. Когда его сыну в 1700 г. объявили войну, система, оставшаяся в наследство от Карла XI, сработала безупречно и вполне оправдала себя громкой победой под Нарвой. В 1701–1709 гг. Карлу XII пришлось вернуться к традиционной политике «война кормит саму себя»; после поражения под Полтавой в 1709 г. она едва ли была возможна, хотя агрессивные финансовые мероприятия позволили продолжать войну. Гибель короля в 1718 г. привела к наступлению на следующий год «эпохи свободы», поскольку Фридрих Гессенский добился для своей жены права наследования лишь ценой отказа от абсолютной монархии. На этом шведские военные авантюры закончились, не в последнюю очередь

по финансовым причинам: расходы в 1718 г. примерно в 12 раз превышали постоянные поступления (расходы составляли 34,7 млн серебряных талеров, а постоянные поступления — менее половины от суммы в 6,89 млн для 1696 года). Еще пагубнее чисто бюджетных последствий войны оказался ущерб для экономики, вызванный обезлюдением страны вследствие призыва солдат на заморскую службу. Швеция покинула клуб великих держав, но шведская модель успела продемонстрировать, что государство с относительно небольшим населением может стать серьезной военной державой и добиться региональной гегемонии благодаря эффективному использованию своих ресурсов и высокому уровню мобилизации населения в ряды действующей армии.

Из держав-победительниц 1719–1721 гг. Дания обладала самой крупной армией по отношению к численности населения; в отличие от Пруссии, у нее имелся также значительный флот. На Данию оказала влияние шведская модель, но в отличие от северной соседки, абсолютистский режим с высоким уровнем мобилизации оставался в Дании нормой в течение XVIII века. Фредерик IV во время Войны за испанское наследство отправил английскому и голландскому правительствам 12 тыс. наемников в ответ на обещание военно-морской помощи в случае необходимости. Датские расходы выросли с 4,5 млн риксталеров в 1710 г. до 5,8 млн в 1720 г.; затраты на армию в этот период слегка сократились, но зато существенно выросли затраты на флот и администрацию. Дания во время Великой Северной войны отличалась от других балтийских государств тем, что испытывала в эти годы серьезное приращение бюджета: общие поступления возросли с 5,3 млн риксталеров в 1710 г. до 6,9 млн в 1720 г. Существенную роль в создании этого прироста играли заграничные военные субсидии: самую большую долю доходной части бюджета составляли поступления из различных источников (2,7 млн в 1710 г. и 3 млн в 1720 г.). Но и при этом государственный долг за время войны увеличился, обменный курс упал, а в 1713 г. впервые были выпущены бумажные деньги. После 1721 г. расходы на армию сократились до уровня ниже 2 млн риксталеров в год и (в зависимости от того, каким источникам верить) не превышали этой суммы до 1762 г. Несмотря на колебания в балтийской торговле, пошлина за проход кораблей через Зунд оставалась в XVIII в. важным источником поступлений для датской короны.

Вплоть до русской победы под Полтавой в 1709 г., противостояние с Швецией поглощало почти все ресурсы России: в 1705 году, самом напряженном для русских, 96 процентов российского бюджета уходило на ведение войны. К 1710 г. эта цифра сократилась до 80 процентов. О масштабах кризиса дает представление тот факт, что в том же году лишь $\frac{4}{5}$ всех российских расходов обеспечивалось за счет сбора налогов при почти полном отсутствии кредита. Дефицит приходилось преодолевать порчей монеты, что являлось основным источником доходов в 1701–1709 гг. (который принес около 4,4 млн рублей), а впоследствии

и введением дополнительных налогов. Лишь в конце правления Петра, по бюджету за 1725 г., общие расходы на военные нужды (то есть на содержание армии и флота) сократились до 6,54 млн рублей, что составляло 64,5 процента общих расходов, которые по-прежнему почти на 2 млн превышали общие поступления, составлявшие 8,5 млн рублей. Военная катастрофа, постигшая Петра под Нарвой в 1700 г., научила его ценить шведскую модель в смысле как фискальной, так и военной администрации; со слов немца Генриха Фика царь узнал о достижениях Карла XI и получил подробную информацию об устройстве шведского государства. После русской морской победы при Гангуте в 1714 г. Петр I учредил в России видоизмененную шведскую систему администрации, в частности, основав коллегии, шесть из которых представляли собой исключительно фискальные учреждения или имели в числе своих задач сбор налогов. Аналогичным образом Табель о рангах была составлена в 1722 г. на основе шведского и прусского опыта, закрепив преимущество военной карьеры для дворян перед штатской и ключевую роль главы вооруженных сил в принятии решений. Самым очевидным последствием двадцатилетней войны со Швецией стала возросшая и более не снижавшаяся численность армии: даже фискальный кризис не привел к ее роспуску в 1724 г.; вместо этого офицеров отправили в неоплаченные отпуска. Амбиции питаются успехами, но необходимым условием для русских территориальных амбиций на западе являлся крах польской державы. В Польше признавалась необходимость срочных фискальных реформ, но они так и не были осуществлены после 1717 г., когда страна попала в зависимость от России. «Молчаливый сейм» того года установил государственные доходы на уровне 10 млн злотых в год — сумма, слишком маленькая для военных потребностей в случае противостояния с Россией; размер армии в любом случае ограничивался 24 тыс. человек. Бывшая великая держава, по крайней мере до мира 1686 г., подтвердившего территориальные потери по договору 1667 г., была низведена до статуса потенциальной добычи для стремившихся расчленив ее держав. И государство, и армия были слабыми в Польше из-за того, что знать не хотела платить налоги. Лишь в 1788 г. Польша решила создать армию в 100 тысяч человек, что составляло 1 процент населения; и окружающие Польшу державы окончательно поделили ее между собой в 1793 г. именно из-за того, что сейм 1788–1792 гг. пытался модернизировать государство и армию.

«Просвещенный деспотизм» не следует узко интерпретировать в фискальных и экономических терминах, поскольку он содержал в себе концептуальный элемент, непосредственно связанный с распространением идей Просвещения и с влиянием камерализма. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что по крайней мере в случае двух крупнейших немецких государств — сперва Пруссии, а затем и Австрии — он представлял собой попытку догнать в политическом, фис-

кальном и экономическом отношении другие европейские страны, такие как Великобританию и Нидерланды. Великобритания и Франция оставались великими державами, с которыми никто не мог сравниться. Предметом соперничества стало первенство во втором ряду держав и конкуренция за союз с двумя этими великими державами. Фридрих II похвалялся, что такие государства, как Пруссия и Австрия, стоят выше стран третьей категории, которые не могут финансировать независимую внешнюю политику без заграничных субсидий. В этом смысле большинство прочих немецких государств попадало именно в третью категорию: там просвещенный деспотизм принимал не совсем такие формы, как в Австрии и Пруссии, или же вообще никак не проявлялся. Поначалу соперничество между Австрией и Пруссией затухало военным сотрудничеством во время Войны за испанское наследство (благодаря чему электор Фридрих III получил в 1701 г. титул короля Пруссии) и тем, что Фридрих-Вильгельм I (1713–1740) обычно придерживался проавстрийской политики. Хотя историки справедливо уделяют большое внимание предшествовавшим достижениям «великого электора» Фридриха-Вильгельма, учредившего постоянное налогообложение и Генеральный военный комиссариат, нередко забывается, что Пруссия, как и Россия, поначалу пыталась устроить военную и фискальную администрацию по шведскому образцу; на этом пути был достигнут ряд успехов, но в конце XVIII века прусская кантональная система обнаружила те же недостатки, что и шведская система того же периода. Содержание постоянной армии в 190 тыс. человек к правлению Фридриха II превратилось в серьезную обузу для прусской экономики. Австрийская армия была на треть крупнее, но Пруссия содержала вдвое больше солдат по отношению к численности населения. Фридрих-Вильгельм I в 1722–1723 гг. создал ключевой институт — Генеральный директорат (но он так и не сумел учредить военную коллегию на шведский и русский манер, которая появилась в Пруссии лишь в 1787 г.); в 1733 г. была введена кантональная система рекрутирования войск. Подобно Карлу XI после 1679 г., прусский король избегал войн и к моменту своей смерти в 1740 г. скопил в государственной казне (*Staatsschatz*) 10 млн рейхсталеров в золотой монете. Это обстоятельство, как и сильная армия, которая считалась в Европе чрезмерно большой для государства с таким небольшим населением, как Пруссия, позволили Фридриху II захватить в 1740 г. Силезию, что решительно изменило течение европейской истории в XVIII веке. После оккупации Силезии там была учреждена реформированная фискальная система: налоги «на прусский манер» оказались более тяжелыми, чем прежде, но и более справедливыми, хотя все экономические выгоды получала Пруссия, а не Силезия. Две трети военных резервов Фридриха было истрачено за два года Первой Силезской войны; к 1745 г. в казне насчитывалось 6 млн рейхсталеров, хотя Вторая Силезская война обошлась в 12 миллионов. К 1752 г. Силезия обеспечивала 28 процен-

тов прусских доходов, а впоследствии она единственная из всех прусских провинций регулярно платила налоги во время Семилетней войны. Подготовка к войне и финансовые поступления позволили к 1756 г. восстановить прусский денежный резерв, на этот раз составлявший 20 млн рейхсталеров.

Мария-Терезия в ответ на потерю Силезии решила вести за ее возвращение борьбу не на жизнь, а на смерть, что имело своим следствием две неудачные войны в 1740-х гг. На реформаторских планах Гаугвица 1749 г., которые должны были стать поворотной точкой в финансовых и военных делах габсбургской монархии, отразились не только взгляды камералистов, но и его опыт пребывания в должности президента Королевского бюро в остатках австрийской Силезии после 1743 г., когда он был хорошо осведомлен о прусских реформах, осуществлявшихся по ту сторону границы. Гаугвиц указывал, что при прусском управлении Силезия стала платить почти вдвое больше налогов, при том что реальная фискальная нагрузка уменьшилась из-за повышения фискальной эффективности. Австрийским ответом на прусский Генеральный директорат стал Директориум, но первостепенной целью являлось создание постоянной армии мирного времени численностью в 108 тыс. человек, которую предполагалось финансировать за счет повышения налогов, собираемых с наследственных земель. Эта система самым жалким образом провалилась в ходе великого испытания силы — Семилетней войны. Та обошлась Пруссии в 140 млн рейхсталеров. Хотя русские войска (в союзе с Австрией) большую часть войны занимали Восточную Пруссию, Пруссия в свою очередь оккупировала Саксонию, Мекленбург и шведскую Померанию, что принесло ей 53 млн рейхсталеров. Британские субсидии в размере 670 тыс. фунтов в год в целом составили 27,5 млн рейхсталеров. Прежние сбережения, повышение налогов, решительная порча монеты оккупированных государств (а к концу войны и самой Пруссии), жестокая эксплуатация Саксонии и невыплата жалованья чиновникам помогли собрать средства и сократить расходы. В 1763 г. Фридрих II вышел из войны, имея значительный запас (*Dispositionsfond*) в 14,4 млн рейхсталеров.

В другом лагере наблюдалась совершенно иная картина. Русским войскам в Восточной Пруссии к моменту восшествия Екатерины II на престол перестали платить жалованье. Государственные расходы в 1762 г. достигали 16 млн рублей, из которых 73,7 процента уходило на армию. На следующий год расходы выросли до 17,2 млн рублей. Хотя после заключения мира доходы быстро увеличились, их все равно не хватало для покрытия дефицита, который в 1763 г. составлял около 2,7 млн рублей, без учета недоимок. Бумажные деньги предполагал ввести Петр III в мае 1762 г., но Екатерина, взойдя на престол, не стала проводить в жизнь изданный им закон. Австрийские владения к концу войны находились в еще более отчаянном финансовом положении. После борьбы за власть между Гаугвицем и Кауницем в 1761 г. Дирек-

ториум Гаугвица лишился большинства своих военных и финансовых функций, за исключением сбора «контрибуций». Процесс принятия решений центральным правительством пришлось видоизменить в целях соответствия требованиям войны. В то время как в 1704 г., в год битвы при Бленхейме, численность австрийской армии достигла 138 тыс. человек, а новый пик в 162 тыс. человек был зафиксирован во время Турецкой войны и последующих лет (1716–1720), уже в первые годы Семилетней войны размер армии превышал 200 тыс. человек. Лишь в 1762–1763 гг. он снизился до уровня примерно в 180 тыс. человек. В то время как общие военные расходы во время Войны за австрийское наследство никогда не превышали 26,5 млн флоринов в год, а цифры за 1744–1746 гг. были значительно выше, чем для других лет, военные расходы в ходе Семилетней войны достигали уровня 40 млн флоринов в год, регулярно превышая 32 млн флоринов. Такое повышение издержек требовало существенного увеличения фискального бремени, хотя австрийское правительство не стало по примеру прусского прибегать к порче монеты. Вместо этого оно в 1761–1763 гг. выпускало все больше бумажных денег, и бумажный кредит за эти годы вырос до 18 млн флоринов, что равнялось сумме, необходимой для возмещения по крайней мере половины всех расходов на целую кампанию; выплата процентов по займам была отсрочена, хотя на эти цели уходила все большая доля контрибуции и новых военных налогов. Франция сменила Великобританию в роли поставщика необходимых военных субсидий, оказавшись в этом смысле достаточно надежным союзником: в 1760–1762 гг. она выплачивала 7,5 млн ливров в год; однако очень высокие требования, изначально заложенные в соглашение 1757 г. (12 млн флоринов в год), не могли быть и не были удовлетворены. Так или иначе, к 1763 г. австрийское правительство разочаровалось в субсидиях как в средстве финансирования будущих войн и взамен искало способы увеличения национального богатства, которое бы имело своим следствием повышение налоговых поступлений и рост государственной кредитоспособности.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ

В смысле англо-бурбонского соперничества Семилетняя война представляла собой борьбу за экономическое и торговое главенство, в которой Британия одержала убедительную победу. Но ни одно государство, претендовавшее на статус глобальной державы, не могло смириться с таким положением вещей. Соответственно, Франция взяла на себя инициативу сравнительного рассмотрения различных вариантов финансирования будущего конфликта, делая особый упор на реформаторском опыте некоторых итальянских государств. Проведенное ранее во Франции по приказу Бертена изучение обменных кур-

сов дает разумные основания для сопоставления других валют с *livre tournois*, и у нас есть возможность существенно раздвинуть временные рамки этого сопоставления. В смысле одних только фискальных ресурсов (то есть за исключением кредита) Франция в 1763 г. по-прежнему занимала первое место, имея годовой доход в 321 млн ливров. Далее следовала Англия с 224 млн ливров. Испанский министр финансов, под чьим наблюдением составлялся отчет для французского правительства, не приводит никакой оценки испанских фискальных поступлений, но их можно оценить в 131,8 млн ливров. По французским данным на третьем месте стояли Соединенные Провинции с доходом в 120 млн ливров, но эта цифра учитывает общее фискальное бремя (то есть «общие поступления Генеральных Штатов и городов»); поступления, находившиеся в распоряжении государства, едва ли превышали 85 млн ливров. В спину Соединенным Провинциям дышали австрийские Габсбурги с 92 млн ливров, без учета Ломбардии и австрийских Нидерландов. На подъеме находилась Пруссия, чьи доходы не учитываются во французском отчете — но как считается, они равнялись 49 млн ливрам. Однако они возрастали так быстро, что к моменту смерти Фридриха II в 1768 г. могли оцениваться почти в 90 млн ливров, в то время как голландские доходы застыли практически на одном уровне.

Из числа других европейских государств, упомянутых в отчете 1763 г., лишь Португалия с доходами в районе 50 млн ливров находилась в положении, сопоставимом с прусским, но финансы этой страны были отягощены фиксированными статьями расходов. Швеция и Финляндия с 23 млн ливров, Неаполь с 27 млн, Дания и Норвегия с 24 млн значительно отставали от Пруссии, как и Папское государство (около 13 млн) и другие немецкие государства — такие как Саксония, Ганновер и Бавария. Хотя доклады французских зарубежных представителей свидетельствуют о постоянном повышении налогов в этих странах, лишь в немногих докладах делается попытка провести анализ подушного налогового бремени из-за отсутствия надежных данных о численности населения. Из французского исследования можно вывести явную взаимозависимость между высоким уровнем денежного оборота и наличием утонченной, высокоразвитой фискальной системы. В некоторых странах — таких как Папское государство и Швеция — денежный оборот оценивался как чрезвычайно низкий, практически отсутствующий. Напротив, высокий уровень денежного оборота в Великобритании и Соединенных Провинциях способствовал росту колоссальной фундированной задолженности (оценивавшейся соответственно в 2964 млн и 2100 млн ливров). Увеличение государственного долга, в свою очередь, стимулировало денежное обращение, как признавал в 1771 г. Исаак де Пинто. Даже некоторые мелкие итальянские княжества, такие как Тоскана, имели значительный государственный долг. Эта тенденция к накоплению долгов, являясь неизбежным последствием зависимости от займов вследствие невозможности финан-

сировать войны за счет новых налогов, стала общеевропейским явлением и привела к так называемой пандемии банкротств, охватившей Европу во время революционных и наполеоновских войн, истоки которой следует искать в значительном несоответствии между долгами и поступлениями во второй половине XVIII века.

Объясняя это несоответствие, в первую очередь следует учесть те препятствия, с которыми столкнулись европейские правительства в попытке реформировать структуру налогов, упразднить привилегии и обложить налогами новые формы богатства. Во Франции такие попытки самым жалким образом провалились вследствие указаний оппозиции на то, что правительство не имеет права бесконтрольно обкладывать население налогами. К 1763 г. стало ясно, что во Франции требуется радикальная налоговая реформа, поскольку Семилетняя война привела королевские финансы в полное расстройство. Влияние физиократов на французское правительство достигло максимальной степени именно в тот момент, когда было отменено учреждение *кадастра*, то есть ко времени отставки Бертена с поста генерального контролера финансов в 1763 г. Бертен составил проект либерализации торговли зерном, полностью воплощенный в жизнь сменившим его Л'Аверди. Первоначально либерализацию хлебного рынка предполагалось провести одновременно с учреждением национального кадастра, и ее не следует понимать как суррогат фундаментальной фискальной реформы или прелюдию к ней. Более того, политика зерновой либерализации получала (в отличие от кадастра) достаточную поддержку в парламентах. Успехи в сфере экономической реформы могли бы расчистить путь к будущим фискальным и институциональным реформам. Но провал зерновой либерализации — наметившийся во время неурожая 1765 г. и ставший очевидным к моменту отмены этой политики при Террэ — предотвратил возможность какой-либо будущей фискальной реформы в противоположность реформе структурной организации королевских финансов⁴. Предложенный Террэ территориальный налог (*impôt territorial*) представлял собой мертворожденное детище; но осуществленное им частичное списание долга и превращение тонтин в пожизненные аннуитеты надолго оставили горький привкус, особенно у держателей тонтин. Тюрго, из всех генеральных контролеров наиболее близкий к физиократам⁵, заступив на должность в 1774 г. после отставки Террэ, при новом короле, в свою очередь, готовом отказаться от политики последне-

4. Проведенная в 1681 г. Кольбером реформа косвенных налогов, продержавшаяся до конца «старого режима», продемонстрировала возможность осуществления серьезной структурной реформы без изменения природы самих налогов или их влияния на базу налогообложения.
5. Людовик XVI именно по этой причине был против его назначения: „Il est bien systématique, et il est en liaison avec les Encyclopédistes.“ (“Он такой систематик и связан с энциклопедистами“). Тюрго продержался на своем посту лишь с августа 1774 по май 1776 г.

го, оказался не в состоянии осуществить широкомасштабные реформы, потому что к тому времени идеи реформаторов были по большей части дискредитированы. И все же, если фискальная реформа в целом провалилась, то колониальная торговля после окончания Семилетней войны процветала: если в период 1730–1740 и 1740–1754 гг. французская колониальная торговля демонстрировала существенный рост (соответственно на 119 и 71 процент), то самое большое приращение наблюдалось не в этом секторе (более сильно выросли левантийская торговля в первый период и северная торговля). Однако в период 1765–1776 гг. французская колониальная торговля росла быстрее, чем все прочие сектора французской торговли — уровень ее роста составлял 76,7 процента, при том что торговля с Испанией сократилась на 6 процентов. В стоимостном выражении колониальная торговля теперь почти в три раза превышала любой другой сектор торговли.

Для британских колоний торговля с испанскими поселениями являлась настоящим императивом, поскольку те служили для них основным источником наличности. Захват вражеских колониальных владений считался желательным не только с целью удержания их как рынков и источников поступлений, но и потому что они, в свою очередь, усиливали финансовую мощь врага, будь то Франция или Испания. Общий баланс ввоза и вывоза драгоценных металлов оставался в Европе положительным в течение всего XVIII века: золото и серебро утекало из Европы главным образом в качестве платы за дальневосточные товары, но этот экспорт более чем перекрывался импортом из Америки⁶. Но Британия находилась в лучшем положении по сравнению с другими европейскими державами за возможным исключением голландцев, чья дальневосточная торговля — по крайней мере до Четвертой англо-голландской войны в 1780-х гг. — также процветала благодаря поражению, нанесенному англичанами французам. Добыча золота в Бразилии достигла максимума в 1726–1730 гг. и после 1750-х гг. испытала заметный спад, как и приток золота в Великобританию. Более того, против экономической зависимости Португалии от Великобритании выступал маркиз Помбал, министр в годы правления Жозе I (1750–1777), который проводил политику, сопоставимую с просвещенным деспотизмом в других странах. После смерти короля Помбал был смещен со своего поста, и от некоторых направлений его политики отказались; но в целом Португалия процветала благодаря своему нейтралитету в англо-французских войнах 1778–1783 и 1793–1802 гг., причем ее экономическая зависимость от Великобритании в этот период снизилась.

Та энергия, с какой Испания и Франция возобновили свою колониальную политику, не имела бы особого значения для Великобритании, если бы она в 1763–1783 гг. не испытывала кризис в отношениях со сво-

6. В конкретный момент в конкретной стране, такой как Великобритания, этот баланс вполне мог быть отрицательным.

ей первой колониальной империей в Америке, который привел к потере тринадцати колоний. Этот кризис был спровоцирован британской попыткой сделать эти самоуправляющиеся колонии «управляемыми». С 1763 по 1778 гг. британский (фактически имперский) парламент претендовал на право вводить прямые налоги в американских колониях в форме гербового сбора, который перестал практиковаться с 1778 г. вследствие размаха охватившего колонии восстания. Когда американская революция близилась к завершению, Уильям Нокс заметил: «Лучше вообще не иметь колоний, чем не иметь возможности подчинить их военно-морской мощи и торговым интересам Великобритании». Заявленной целью введенной в 1767 г. пресловутой пошлины Тауншенда было упорядочение торговли, а не выручка дополнительных средств; но в случае неудачи со сбором этой пошлины представлялось «абсурдным даже думать о предотвращении контрабанды или сборе каких-либо налогов, как старых, так и новых». Прежние налоги, такие как таможенные пошлины, по сути представляли собой побочный продукт мер, вводившихся с другими целями, и в любом случае доля налогов, уплачиваемых континентальными американскими колониями по сравнению с вест-индскими, представляла собой ничтожно малую величину; но возникшая после 1763 г. потребность содержать в американских колониях постоянные войска, ежегодные затраты на которые оценивались цифрой примерно в 224 тыс. фунтов (гражданская администрация обходилась всего в 50 тыс.), имела своим следствием необходимость введения в колониях новых налогов для оплаты этих расходов.

С началом американской войны в 1775 г. британское правительство столкнулось с беспрецедентными трудностями в деле обеспечения продовольствием, одеждой, оружием и боеприпасами крупных сил, находившихся примерно в 3000 миль от основных источников снабжения. В данном случае, в противоположность прежним войнам, британские силы примерно в 60 тыс. человек (возросшие до 92 тыс. человек в 1780–1781 гг.) остались без местных источников снабжения из-за «отказа всех колоний удовлетворять потребности королевских войск по всем статьям снабжения, необходимым для их существования». Ключевое значение имело отношение англичан к этой революции: никто не ожидал тяжелой кампании, и каждый раз все думали, что кампания этого года станет последней. Ожидание скорой победы вело и к тому, что торговые ограничения проводились в жизнь не слишком энергично. С вступлением в войну в 1778 г. Франции, а на следующий год и Испании британский флот стал испытывать серьезное перенапряжение сил. Еще сильнее осложняла британскую политику блокады враждебность нейтральных государств, которая в 1780 г. втянула в войну Соединенные Провинции. После нескольких лет пребывания крупной армии в Америке и Вест-Индии стало ясно, что методы контрактов, применявшиеся для ее снабжения, затратны и неэффективны. Кроме того, не хватало морского транспорта для обеспечения постоянного притока людей и продовольствия:

если бы война продолжилась и в 1783 г., британская армия в Америке вполне могла сдаться из-за голода. Это была первая (и единственная) война в промежутке между 1689 и 1815 гг., в которой Великобритания сражалась одновременно против Испании и Франции при отсутствии другой «войны или цели, которые бы отвлекали их внимание и ресурсы. Мы же, к несчастью, получили на свою голову еще одну войну, исчерпавшую наши финансы и требовавшую отвлечения существенной части нашего флота и армии...» Георг III в сентябре 1780 г. утешался тем, что французские и испанские финансы находятся в печальном состоянии; «эта война, как и предыдущая, окажется войной кредитов». Несмотря на пресловутую «экономия государственных средств» лордом Нортон, и главным образом из-за взлетевших до небес расходов на флот война за американскую независимость ежегодно обходилась в рекордные суммы (в среднем по 20,3 млн фунтов в год) и привела к существенному повышению налогов: земельный налог после 1775 г. никогда не опускался ниже трех шиллингов с фунта, в течение почти всей войны составляя четыре шиллинга с фунта; но куда большее значение имели акцизы, которые к концу войны принесли почти 6,5 млн фунтов выручки. Но разрыв между расходами и поступлениями все равно составлял в среднем по 8 млн фунтов в год. Поэтому едва ли удивительно, что государственный долг почти удвоился, с 127,3 млн фунтов в начале войны увеличившись до 242,9 млн в 1783 г., поскольку более 80 процентов дополнительных поступлений на финансирование войны составляли займы. Расходы страны во время войны составляли приблизительно 124 млн фунтов, что почти на четверть больше всего национального дохода за 1780 г. Реальный объем налогообложения за время войны вырос почти на треть.

Французский министр иностранных дел Верженн знал, что ведение войны невозможно без получения кредита: «Поистине это война наличности (*une guerre d'écus*), и есть основания опасаться, что если она затянется, мы не последними останемся без средств». Он надеялся, что Франция вернет себе «общественное доверие, сильно подорванное превратностями последней войны, а также, возможно, иными причинами»⁷. Тюрго, генеральный контролер в момент воцарения Людовика XVI, выступал против войны, потому что для него самым важным были внутрифранцузские реформы. Он полагал, что пример Америки ставит крест на всей колониальной системе, что французские колонии не стоят того, чтобы из-за них воевать, что Англия, а не Франция, станет пожинать плоды новой экономической системы, которая может выстроиться после заключения мира, и что «первый же пушечный выстрел приведет правительство Вашего Величества к банкротству». Верженн нашел лучшие аргументы, и в конечном счете прооро-

7. Ср. аргумент Людовика XVI о том, что война велась «не с целью какой-либо территориальной агрессии с нашей стороны, а исключительно ради разрушения их торговли и подрыва их мощи...»

чества Тьюрго о крахе колониальной системы не оправдались. Американские колонии получили независимость, однако Британия успешно отстояла свои прочие колонии от посягательств Бурбонов. Сама она снова сравнительно легко отделалась в этой последней большой войне при «старом режиме», хотя была вынуждена смириться с серьезным ущербом для «репутации». Таким образом, возврат к статус-кво, сложившемуся до 1763 года, был закрыт. Хотя кое-кто утверждал, что американские колонии к моменту своей независимости не приносили особой экономической пользы имперской державе, в реальности дело обстояло совершенно иначе (в Америку в 1772–1773 гг. направлялось 37 процентов британского экспорта по сравнению всего с 10 процентами в 1700–1701 гг.). Колонисты действительно были не в таком положении, чтобы отказываться от торговли с Британией, особенно осуществлявшейся через Вест-Индию (и великие замыслы французов отобрать этот рынок у англичан потерпели полный крах); более того, их финансы находились в отчаянном положении, и в 1780 г. бумажные деньги, выпускавшиеся Конгрессом в течение всей войны, фактически обесценились, что послужило серьезным предзнаменованием событий в Европе во время революционных и наполеоновских войн. Лишь после отчета Александра Гамильтона о государственном кредите в 1790 г. ситуация окончательно стабилизировалась, хотя, разумеется, едва ли можно сравнить те 80 с чем-то миллионов долларов, находившиеся в распоряжении правительства Гамильтона, с приблизительно 1275 млн долларов, имевшихся у правительства Питта в Великобритании. Но в первую очередь были решительно пресечены какие-либо французские колониальные захваты за счет Британии. Победа Клайва под Плесси в 1757 г. превратила Индию в «настоящую» колонию, чистый доход от которой к 1766–1769 гг. составлял 7,5 млн фунтов. Французская попытка взять в 1781–1782 гг. реванш за итоги Семилетней войны в Индии провалилась.

Неккер во время своего первого министерского срока (1776–1781) не сумел осуществить иных мер, помимо чисто организационных изменений в методе сбора прямых налогов; сущность самих налогов осталась прежней. Под влиянием британского примера и идей Исаака де Пинто о необходимости завоевать общественное доверие путем издания отчетов Неккер финансировал участие Франции в войне за независимость США — которое за восемь лет обошлось по меньшей мере в миллиард ливров — в основном посредством займов, а не повышения налогов: сумма этих займов за время первого министерского срока Неккера составила 530 млн ливров. Часть затрат на обслуживание долга оплачивалась из резервов казны, но все это к 1788 г. оставило тяжелое долговое наследие и в первую очередь повлекло за собой высокие расходы на погашение долга. К концу пребывания Неккера в должности стало ясно, что такая политика сама по себе больше не работает и что налоги придется повышать. В Великобритании получили оши-

бочное донесение о том, что Неккер в 1781 г. был отправлен в отставку из-за его противодействия дальнейшим военным расходам: «Лучшие люди считают уход г-на Неккера смертельным ударом по репутации Франции и независимости Америки». По Великобритании широко разошлись надежды на финансовый крах Франции, но даже Верженн в 1781 г. считал его вполне вероятным. В реальности же, хотя Неккер участвовал в неудачных мирных переговорах, нет никаких доказательств того, что он выступал против увеличения налогов после того, как все сбережения и все возможные источники займов были исчерпаны. Его отставка произошла из-за отказа короля удовлетворить его требование о допуске к работе в *conseil d'en haut* (государственном совете), которое, в свою очередь, было вызвано ростом расходов на содержание флота.

Мирабо впоследствии поносил Неккера за использование им пожизненных рент (*rentes viagères*), очень дорого обходившихся казне, хотя был ли средний уровень в 6 процентов годовых чрезмерным по сравнению с тем, что выплачивали предшественники Неккера, или по сравнению с преобладавшими на тот момент рыночными условиями, остается вопросом спорным⁸. Французское правительство в 1782 г. издало отчет, в котором оценивались сравнительные военные расходы Великобритании и Франции и их влияние на государственный долг обеих стран. По оценке французского правительства, исходя из обменного курса в 23,17 ливра за 1 фунт стерлингов, британские вооруженные силы за семь лет, начиная с 1776 г., обошлись в 2834 млн ливров; если вычесть из этой цифры обычные расходы мирного времени, военные затраты составят 2270,5 млн ливров. На французские вооруженные силы за тот же период было израсходовано 1732,5 млн ливров; опять же при вычете стандартных расходов мирного времени получалось, что военные затраты составили 928,9 млн ливров. Таким образом, британские военные расходы превышали французские более чем вдвое, поскольку Франция не вела сухопутной войны наряду с морской. Аналогичным образом обстояла и ситуация с государственным долгом. Британская задолженность, включая казначейские векселя, долговые расписки, выдававшиеся вооруженными силами, и недоимки, оценивалась в 5532 млн ливров при ежегодных процентах в 220 млн ливров (цифры для одного лишь консолидированного долга составляли соответственно 4538 млн и 170 млн ливров). Напротив, французский долг (включая займы 1782 г.) составлял 3315,1 млн ливров, на которые ежегодно накапливались проценты в 165,4 млн ливров. Эти подсчеты сохраняли силу вплоть до начала французской революции. Французский долг в стоимостном выражении был меньше британского, причем значительно меньше в смысле его отношения к валовому национальному

8. Хотя совсем другой вопрос — в полной ли мере французское правительство осознавало растущую финансовую сложность рынка.

продукту (56 процентов по сравнению со 182 процентами) и к подушному доходу. Однако серьезность долгов измеряется тем, насколько легко их обслуживать. Долговые проценты во Франции по отношению к размеру долга были намного существеннее, чем в Великобритании (7,5 процента и 3,8 процента соответственно), а отношение затрат на обслуживание долга к налоговым поступлениям было еще выше (62 процента по сравнению с 56 процентами). Франция последовательно выделяла меньшую долю налоговых поступлений на выплату процентов по долгам, но не получала никакой выгоды от этой политики, поскольку Великобритания выплачивала свой государственный долг, поднимая налоги, а Франция была вынуждена сдерживать рост своей задолженности путем частичных дефолтов, таких как в 1770 г. Одним из последствий такой традиции частичных дефолтов до 1774 г. являлась более высокая процентная ставка по сравнению с британской: у рынка отсутствовало доверие к французской короне как к должнику. Тем самым «риск дефолта» хронически повышал стоимость французского долга по сравнению с британским. До тех пор, пока Питт в 1783 г. не стал канцлером казначейства, Британия не возмещала существенную долю своего долга через амортизационный фонд, однако почти 30 процентов расходов на обслуживание французского долга уходило на его погашение.

После 1783 г. британская политика изменилась: Питт превратил морские долговые обязательства и прочие краткосрочные долги в постоянную и непогашаемую задолженность, а кроме того, использовал новые налоговые поступления как для выплаты процентов по долгам, так и для частичного погашения основной суммы долга. В этом деле ему помогло повышение ежегодных доходов, составлявших в 1782–1784 гг. около 12 млн фунтов, а в 1790–1792 гг. более 16 млн фунтов. Реформированный в 1786 г. амортизационный фонд предусматривал погашение долга в течение 35 лет, что способствовало гармонизации отношений между Великобританией и Францией, проявившейся в англо-французском торговом договоре того же года. Мир 1783 г. привел к коренной переоценке целей британской политики в отношении колониальной торговли. Адам Смит собирался 4-й книгой своего труда «О богатстве народов» («О системах политической экономии») убедить британских политиков реформировать империю и в политическом, и в коммерческом плане. Его влияние на британское правительство зачастую сильно преувеличивается, однако в англо-французском торговом договоре 1786 г. наблюдается явное согласие с Францией: большинство товаров из обеих стран взаимно облагалось умеренными пошлинами, и фактически каждая из стран получала статус наибольшего благоприятствования во взаимной торговле. Французская колониальная торговля во время американской войны за независимость сильно пострадала, но в мирный период после 1783 г. она испытала наибольший расцвет за всю предреволюционную эпоху. В 1784–1788 гг. сред-

ний ежегодный объем французской торговли вырос почти в пять раз по сравнению с 1716–1720 гг., с 215 млн до 1062 млн ливров (в текущих ценах). Этот рост соответствовал общему оживлению атлантической экономики, с 1760-х гг. находившейся в упадке. В 1783–1792 гг. возродилась и британская экономика после экономической депрессии во время американской войны за независимость, причем ежегодный рост экспорта в среднем составлял 6,9 процента — значительно выше, чем в последующие годы до 1815 г. Нет сомнений в том, что за Эденским договором 1786 г. последовало резкое возрастание британского экспорта во Францию. С другой стороны, за многими случаями снижения британских тарифов в 1783–1792 гг., по-видимому, стояло стремление казначейства к сокращению контрабанды и увеличению таможенной выручки. Поставленная британским правительством цель наводнить континентальный рынок дешевыми промышленными товарами не изменилась, и вплоть до отмены Зерновых законов в 1846 г. оно упрямо стояло на «меркантилистских» позициях.

4. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЭПОХА БУМАЖНОЙ ИНФЛЯЦИИ

В качестве полного отрицания прежней политики Людовик XVI, взошедя в 1774 г. на престол, сознательно решил не отказываться от выплаты государственного долга и придерживался такой позиции вплоть до конца своего правления. Однако без периодических дефолтов того или иного вида государство не могло выжить из-за хронического и постоянно растущего дефицита, порождаемого «политической системой, которая полностью оторвала привилегию тратить деньги от обязанностей по уплате налогов, и в то же время оставляла общественности достаточно политического влияния для агитации против налогообложения». Эскалация займов мирного времени являлась неизбежным последствием политики Людовика XVI: в период с апреля 1783 по ноябрь 1787 гг. чистая сумма займов составила 570,4 млн ливров. Расходы на обслуживание долга в мирное время почти удвоились, составляя 28 процентов от общих расходов в 1751 г. и 49,3 процента в 1788 г. Деятельность Калонна на посту министра (1783–1787) обычно считается поворотным пунктом в финансовых процессах, приведших к французской революции. На эти годы приходится пик займов мирного времени (чистая сумма займов составила 335 млн ливров), хотя критика фискальной структуры со стороны министра и его реформаторские предложения были наиболее смелыми из всех, что раздавались при «старом режиме». Провал его планов стал жестоким ударом для политической системы. Более осторожные планы Бриенна также не были воплощены в жизнь, и в качестве последнего средства были созданы Генеральные Штаты, когда кризис казны оказался неразрешимым из-за проблем с получением новых займов. Генеральным Штатам было обещано, что

они получают право налогообложения и контроля над бюджетом, включая личные расходы короля. Первым решением объявившего о своем суверенитете Национального собрания в июне 1789 г. было заявление о том, что «оно от имени Нации единогласно высказалось за то, чтобы временно продолжить взимание на прежней основе всех налогов и сборов, несмотря на то, что те вводились и взимались незаконно».

Хотя эта мера была призвана гарантировать, что король и его министры не смогут управлять страной, если Национальное собрание будет распущено, она имела катастрофические последствия, поскольку спровоцировала массовое уклонение от налогов, взимаемых новым революционным правительством. Никакой новой (и поэтому *ipso facto* «законной») налоговой системы в приемлемые сроки создать было невозможно, вследствие чего у последующих революционных правительств отсутствовали возможности, и скорее всего воля для широких принудительных мер, поскольку они положили бы конец «налоговым каникулам», которые для многих стали главным политическим достижением революции. Неккер ясно выразился на тот счет, что необходим новый чрезвычайный налог для решения тройной проблемы: падения сбора существующих налогов («*dépérissement des impôts existants*»), задержек с введением новых налогов и риска, связанного со структурной реформой («*hasards inséparables d'un système complet d'innovation*»). Задержки вызвали в провинции «*un contentement très-favorable à la révolution*» («крайнее удовлетворение от революции»), но несмотря на это, люди путают фискальную реформу с налоговыми послаблениями («*la libération des impôts qui lui étoient onéreux, & la diminution de tous...*»). Однако Национальное собрание вместо этого забаллотировало ненавистные косвенные налоги, не дожидаясь, когда им будет найдена подходящая замена, тем самым лишив новое государство наиболее обильного источника «старорежимных» поступлений и способствуя тому, чтобы баланс сместился с косвенных на прямые налоги совершенно незапланированным образом. Более того, собрание приостановило, а затем и упразднило взимание церковной десятины — пусть ненавистный, но тем не менее потенциально полезный источник дополнительных поступлений для нового государства, если духовенство в любом случае собиралось экспроприировать (что и произошло при секуляризации церковной собственности, которая была переименована в *biens nationaux*⁹). Особенно резкой критике Неккер подверг принятое в декабре 1789 г. решение Национального собрания об учреждении бумажных денег — знаменитых *ассигнатов*, которые были выпущены в преддверии продажи церковной собственности, первоначально в объеме 400 млн ливров. Хотя принципиальное решение было принято, реально выпуск новых бумажных денег (*numéraire fictif*) был отсрочен до апреля 1790 г. Была также введена новая тройная система пря-

9. Национальная собственность (*фр.*).

мых налогов (*contribution foncière, contribution mobilière et personnelle* и *patente*¹⁰). Закон о новом земельном налоге содержал ряд серьезных изъянов (например, в отсутствие национального земельного кадастра этот налог продолжал взиматься на основе заявлений налогоплательщиков, в то время как его возмещение основывалось на прецедентах времен «старого режима»), но в первую очередь он был принят слишком поздно и на основании чрезмерно оптимистичных предположений о вероятной сумме поступлений. В течение 1790 и 1791 гг. ежемесячные расходы монархии хронически превышали ее доходы. В 1791 г. земельный налог принес лишь 34 млн ливров из 300 млн, которые предполагалось собрать к декабрю 1792 г.; тем не менее расходы государства в 1791 г. составили 822,7 млн ливров при налоговых поступлениях в размере всего 249 млн ливров (при прогнозе в 587 млн).

Бриссо и его сторонники сумели спровоцировать депутатов Национального собрания на объявление войны Австрии (апрель 1792 г.), после чего война стала для французского революционного правительства «финансовой операцией против коалиции князей». От войны зависела кредитоспособность революции в политическом смысле (эмигранты лишались какой-либо базы для контрреволюции) и в буквальном смысле (ассигнаты становились международно конвертируемыми): Бриссо 31 декабря 1791 г. заявил в Якобинском клубе: «не начав войну, мы подорвем доверие к нашим ассигнатам». Мог быть восстановлен обменный курс; в случае выгодного мира ассигнаты могли затопить всю Европу, которая таким образом окажется заинтересована в успехе революции. С другой стороны, утверждалось, что Франция осталась «без дисциплинированной армии, без опытных генералов, без денег...», и таким образом, беспомощна перед силами коалиции. Выпуск ассигнатов все же состоялся, невзирая на горький опыт системы Лоу и прекрасную осведомленность о катастрофических последствиях применения бумажных денег в США, Дании и Швеции, а также в России и Испании (хотя в этих двух странах полные последствия такого шага проявились позже). Хотя налоги обеспечивали 13 процентов всех поступлений французского революционного правительства в 1790–1795 гг., бумажных ассигнатов сознательно выпускалось все больше как для покрытия дефицита, так и для восполнения недостаточных поступлений. Ассигнаты обеспечили 7000 млн ливров дохода (исходя из стабильного курса ассигнатов на 1790 г.), что соответствовало нормальным поступлениям за 14 лет. После января 1793 г. выпуск ассигнатов стал важнейшим средством финансирования войны. Но экономические издержки оказались колоссальными. Находившиеся в обороте бумажные деньги не были обеспечены никакими новыми экономическими ресурсами. Первоначально доверие к ассигнатам основывалось

10. Земельный налог, налог на движимое имущество и подушный налог, торгово-промышленный налог (фр.).

на их обеспечении землей, то есть все рассчитывали, что бумажные деньги будут выкуплены путем продажи *biens nationaux*: но реальные продажи церковных земель и собственности, принадлежащей эмигрантам, принесли не более 900 млн ливров ассигнатами по стабильным ценам¹¹. Сперва ассигнаты были пущены в оборот в Париже и разошлись по департаментам по неравным курсам: стоимость ассигнатов могла сильно колебаться от департамента к департаменту. Система максимальных цен (то есть цен, фиксированных на уровне ниже рыночного), введенная в 1793 г., хотя и по иным причинам, на первых порах помогала поддерживать курс ассигнатов, по крайней мере до тех пор, пока продовольственный кризис не выявил невозможность обменять бумажные деньги на хлеб. Благодаря своей политике снабжения столицы хлебом и реквизирования хлеба и иных припасов для 750-тысячной армии летом 1794 г. правительство сумело избежать сильного обесценивания ассигнатов. К 1795 г. правительство планировало собирать налоги ассигнатами, принимая их по рыночному курсу (*au cours*); но к тому моменту, как эти планы начали претворяться в жизнь, ассигнаты — чья стоимость в начале 1796 г. составляла менее 1 процента от номинала — слишком обесценились, чтобы оставлять их в обращении. Попытка заменить их бумажными деньгами (путем выпуска так называемых *promesses de mandats territoriaux*) также быстро провалилась. Реальной формой налогообложения стала инфляция, причиной которой являлся чрезмерный выпуск ассигнатов — причем такое налогообложение оказалось еще более регрессивным, чем ненавистные налоги «старого режима» (ассигнаты малого номинала печатались лишь с мая 1791 г.).

Разрыв между доходами и расходами после объявления войны в апреле 1792 г. превратился в зияющую пропасть. Финансовое положение за 26-месячный период, начиная с 1 июля 1791 г., из которых 16 месяцев занимала война, обрисовывается в отчетах от сентября 1793 г. Расходы за этот период возросли до 2652 млн ливров, из которых 2322 были потрачены на войну (714 млн — на пропитание армии, 490 млн — на выплату жалованья, 324 млн — на амуницию). Лишь 226 млн ливров военных расходов было выплачено наличными. При этом 5600 млн (т. е. 58 процентов) из 6800 млн ливров поступлений, предназначенных для финансирования военных действий, были получены посредством печати ассигнатов; налоги и доход от национализированных земель принесли гораздо меньше средств — соответственно 368 млн и 130 млн ливров. 15 декабря 1792 г. были упразднены учреждения бывших австрийских Нидерландов и приняты постановления об использовании местных ресурсов для снабжения французской армии; ассигнаты вво-

11. Номинальная цифра равнялась 2100 миллионам. В законе от 18 марта 1796 г. отмечалась «la disproportion entre la quantité en émission et la valeur du gage» («диспропорция между объемом эмиссии и обеспечением»).

дились и на оккупированных территориях. Когда война превратилась в национальный кризис, Конвент в августе 1793 г. был вынужден объявить всеобщий призыв. Одним махом было снято фактическое ограничение на размер французской армии, действовавшее при «старом режиме» (200 тыс. человек в 1789 г.): к сентябрю 1794 г. в армии номинально числилось 1,17 млн человек, хотя лишь 750 тыс. были полностью оснащены и обучены военному делу, а дезертирство вскоре стало серьезной проблемой.

Внутри страны расходы на армию могли быть обеспечены командной экономикой с ее режимом «максимальных цен» (май 1793 — декабрь 1794), которая раскрывала перед Конвентом перспективу «неисчерпаемых ресурсов»: утверждалось, что «с момента введения максимума обесценивание ассигнатов создает для правительства проблемы лишь в вопросе приобретения импорта». Другое дело — затраты на содержание армии за границей. Расходы на армию в 400 тыс. человек на V год революции реально составляли 354 млн ливров (141 млн — жалование, 158 млн — продовольствие и 55 млн — дополнительные расходы, включая 34 млн на транспорт, в т. ч. и доставку продовольствия). Население оккупированных территорий сперва приветствовало французские войска, но из-за принудительного введения ассигнатов и неоплаченных реквизиций от былого энтузиазма вскоре не осталось и следа. Во время суровой зимы 1794–1795 гг. оккупированные территории были объединены дочиста. К марту 1796 г. из земель между Рейном и Маасом начали поступать жалобы (почти наверняка преувеличенные) на захват или расхищение продовольствия и товаров на сумму в 257,5 млн ливров (в твердых ценах); 54,7 млн из этой суммы было возмещено ассигнатами, а еще 49,2 млн списано как убытки, вызванные обесцениванием ассигнатов. Точный подсчет суммы всех поборов в оккупированных странах и «братских республиках» совершенно невозможен при тех методах учета, которые применялись даже в самой Франции; но согласно осторожным оценкам, между 1792 и 1799 гг. было собрано по меньшей мере 360 млн франков, что составляет до четверти всех поступлений Директории на VI и VII годы республики. Питт-младший как-то похвалялся, что он может предсказать финансовый крах революционной Франции. «А кто же, — якобы возразил ему Уилберфорс, — был канцлером казначейства у Аттилы?»

С обесцениванием ассигнатов и «мандатов» официальные финансовые отчеты за IV год (сентябрь 1794 — сентябрь 1795) пришлось составлять с учетом реальной стоимости бумаг на момент их выкупа. Общие расходы составляли сумму в 457 млн ливров в твердой валюте, 252 млн из которых были выплачены наличными; 213 млн из этих наличных средств были выделены непосредственно на финансирование войны. Имеющиеся запасы наличных средств за отчетный период составляли всего 271 млн ливров. Из этой суммы 51 млн приходилось на поступления от налогов, включая часть выручки от принудительного займа

1793 г. (полная величина которой достигала 228 млн ливров ассигнатами) и суммы, собранные в департаментах аннексированных территорий, прежде входивших в австрийские Нидерланды. Напротив, 122 млн ливров дали контрибуции в завоеванных странах (включая 105 млн, собранных в Голландии и 12 млн в Италии), а 55 млн ливров было получено благодаря тайной закупке наличных, за которые расплачивались ассигнатами (для того чтобы собрать эту сумму наличными, потребовалось 7400 млн ливров ассигнатами и 450 млн — «мандатами!»). В бюджете на V год (1796–1797) фигурировали поступления в сумме всего 422 млн (по большей части за счет налогов), а расходы находились на уровне в 842 млн: дефицит драгоценных металлов затруднял увеличение поступлений от налогов, в то время как численность армии к концу 1795 г. вынужденно сократилась примерно до 400 тыс. человек, просто из-за того, что у государства не имелось ресурсов для финансирования более крупных сил. Возврат к монетизации происходил медленно и болезненно, причем *promesses de mandats* и другие находившиеся в обращении бумажные деньги в переходный период перестали приносить государству какую-либо пользу. В эпоху ассигнатов наблюдалось также резкое падение обменного курса французской валюты, которое объясняется вывозом капитала, закупками зерна за границей и ограничениями на экспорт золота. Важными факторами оказались также потеря доверия и прекращение французской экспортной торговли во время войны. Однако объем бумажных денег нарастал так стремительно, что возврат к металлическому стандарту оказался чрезвычайно трудным, хотя, вероятно, его упрощали облегчение доступа к импорту драгоценных металлов благодаря франко-испанскому союзу 1795–1796 гг. и экспорт золота из Британии (вызванный колоссальными военными расходами этой страны за границей и закупками зерна).

К 1797 г. эффективность сбора налогов во Французской республике несколько повысилась и номинальный объем поступлений стабилизировался, хотя нет особых сомнений в том, что низкие цены на сельхозпродукцию повысили реальное фискальное бремя земельного налога. Во время так называемого *banqueroute des deux tiers* («банкротство на две трети») в сентябре 1797 г. министр финансов Рамель одним росчерком пера сократил расходы на обслуживание долга с 250 млн (цифра, сама по себе резко снизившаяся с 1790 г.) до 80 млн. Однако армейские поставщики оставались привилегированными клиентами правительства. Директория в обход казначейства передала половину ожидавшихся поступлений от отдельных департаментов в 320 млн ливров в распоряжение армейских поставщиков, причем половина этой суммы (80 млн звонкой монетой) выдавалась компаниям авансом. Остальную часть предполагалось выплатить национализированными землями, причем это предложение сравнивалось с пистолетом, приставленным к горлу армейских поставщиков («le pistolet sur la gorge aux fournisseurs»). Но это был относительно экономичный метод опла-

тить выставленные армейскими поставщиками счета на сумму 160 млн ливров за последние девять месяцев 1798 г. К концу этого года различные восстания против власти французов на оккупированных территориях были подавлены, а в республиках-сателлитах были готовы для эксплуатации ресурсы почти всего запада и юга Европы. На долю этих стран выпадали значительные расходы, хотя французы в конце концов обычно получали куда меньшие суммы, чем требовали первоначально. По Гаагскому договору (май 1795 г.), навязанному Сиейесом и Ребеллем голландцам, те должны были выплатить 100 млн гульденов за их освобождение из-под ига «оранского тирана» сверх обычных реквизиций, а также разрешить свободное хождение ассигнатов. В результате финансы новорожденной Батавской республики оказались в плачевном состоянии¹². В ноябре 1797 г. был предложен новый 8-процентный подоходный налог, который взимался с апреля 1798 г. По оценкам, с 1795 по 1804 гг. голландцы выплатили Франции более 229 млн гульденов, то есть более одного годового дохода республики. Сумма налогов на одного жителя в Голландии была выше, чем в любой другой стране Европы. По расчетам на 1803 г., каждый гражданин Франции уплатил в среднем 15,2 франка налогов, а каждый гражданин Батавской республики — сумму, эквивалентную 64,3 франкам.

5. НАПОЛЕОН: ВОЗВРАТ К ТРАДИЦИОННЫМ ДЕНЬГАМ И ФИНАНСОВАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ МАТЕРИКОВОЙ ЕВРОПЫ

Плоды эксплуатации покоренных территорий пожинала уже не республика, а первая империя. Наполеона называли человеком старого режима в том отношении, что он отказался от всего революционного опыта бумажных денег в пользу жесткого монетаризма. Он завершил работу революционного правительства, сократив размер государственного долга, а завоевывая другие страны — такие как Голландия в 1810 г. — проводил там ту же самую политику. Во многих отношениях он отвергал банковские эксперименты, проводившиеся Директорией, поскольку Французский банк (основанный в январе 1800 г., но работавший по правилам, утвержденным в законе от 14 апреля 1803 г.) имел весьма ограниченные функции. Он обладал монополией на выпуск банкнот, но их номинал был ограничен суммой в 500 ливров, и они имели хождение только в Париже. Общая масса этих бумажных денег в эпоху империи никогда не превышала 112 млн ливров, и поэтому они не могли играть существенной роли в механизме государственных платежей. Депозиты банка своим объемом едва ли превосходили средства *Caisse d'escompte* накануне революции. Наполеон противился «бумажному фунту» с убежденностью монетариста: так называемый *franc de*

12. 1 гульден был равен 42 су 6 денье, но вследствие различных уступок ежегодные платежи снизились до уровня в 15,3 млн франков.

germinal 1803 г. имел ту же стоимость, что и *livre tournois* 1785 г. Император не хотел прибегать к крупномасштабным займам, но фискальная дисциплина диктовалась еще и отсутствием у правительства кредитоспособности: аннулирование долгов Рамелем в 1797 г. вследствие фиаско с ассигнатами подорвало общественное доверие до такой степени, что даже если бы и удалось получить новые займы, то лишь под непомерно высокие проценты.

Если Наполеон был «старорежимным» человеком в смысле недоверия к бумажным деньгам, то он же презирал и финансистов, которых называл бичом и проказой нации («le fléau, la lèpre de la nation»). Впрочем, отказаться от их услуг он не мог: с 1806 г. генеральные ревизоры фактически снова оказались у дел, как и правительственные чиновники, отвечавшие за сбор прямых налогов¹³. Заметным явлением первой империи стало и возвращение косвенных налогов в форме *douanes* (таможенные сборы) и *droits réunis* («соединенные сборы»), хотя они не рассматривались как единый источник поступлений. Таким образом, если Наполеон и не воссоздал фискальную систему полностью, то он безусловно укрепил ее и санкционировал процесс ее централизации с опорой на Париж. Кроме того, император по своим взглядам был меркантилистом; у Континентальной блокады было чисто финансовое назначение, и ее цель, по словам министра императорской казны Мольена, состояла в том, чтобы «нанести Англии более глубокую денежную рану, чем те, что были получены Францией». Мольен полагал, что наполеоновская блокада «потрясла важнейшую опору британского правительства...» Император, по его мнению, стремился уничтожить «кредит Англии, мерой которого ошибочно считал капризный курс обмена, и истощить источник тех субсидий, которые Англия могла выдать новой коалиции». Так, Наполеон заинтересованно изучал обменные котировки, и колебания курса в Гамбурге или Данциге рассматривались как подтверждение того, что из Английского банка утекают запасы наличности, а не результат ввоза в континентальную Европу манчестерских тканей или ямайского сахара. В этом смысле Континентальная блокада имела оборонительную цель, заключавшуюся в том, чтобы не пускать британские товары в Европу. В общем плане перед Континентальной блокадой была поставлена и более положительная задача: создание структуры военных, дипломатических и династических союзов, фискальных и административных реформ и систематическая эксплуатация ресурсов стран-сателлитов с целью обеспечить самофинансирование и экономическое процветание империи.

Экономическая самодостаточность империи была необходима из-за стремительного роста военных затрат: в 1806–1814 гг. было потрачено 5100 млн франков, причем 817 млн из них — за один лишь рекордный 1813 год, после российской катастрофы. В годы правления

13. Они приступили к работе в 1802 г., еще не называясь *fonctionnaires banquiers*.

Наполеона расходы взлетели до небес: если верить цифрам, их номинальный объем с 1801 по 1813 гг. практически удвоился, с 549,6 млн до 975,5 млн, достигнув в 1811 и 1812 гг. уровня в миллиард франков. Что касается поступлений, то самым важным источником дохода служили военные успехи, которые обеспечивали контрибуции и другие чрезвычайные поборы, уходившие в императорский экстраординарный фонд (*domaine extraordinaire*). Наполеон в декабре 1805 г. разбил под Аустерлицем объединенные австрийско-русские силы и по Прессбургскому договору наложил на Австрийскую империю контрибуцию в 40 млн флоринов взамен прямого налога на города. Впрочем, не все контрибуции и компенсации были выплачены побежденными или оккупированными странами. Португалия должна была заплатить 100 млн франков в 1807 г., но сохранила пробританскую ориентацию и заплатила лишь 7 миллионов. Несмотря на многие неясности, связанные с привычкой Наполеона подводить баланс бюджета задним числом, весьма вероятно, что кампании 1806 и 1807 гг. принесли выручку, которая покрыла треть французских бюджетных расходов, помимо затрат на содержание французской армии за границей.

В оккупированных странах и полуавтономных королевствах проводились фискальные реформы, в основном по французскому образцу (сюда входило отделение доходов государства от доходов короны, упразднение феодальных привилегий, составление земельных кадастров, а также унификация, рационализация и упрощение контроля за доходами и расходами). Эти реформы заложили основу современной системы государственных финансов. Наполеон обеспечил мелким германским государствам быструю модернизацию в рамках Рейнской конфедерации. Даже тем государствам, которые находились под его покровительством, он предъявлял столь тяжелые фискальные претензии, исходя из принципа, требовавшего от них взять на себя долги тех государственных образований, которые им предшествовали, что их государственный долг стремительно нарастал. Долги Баварии выросли с 20 млн флоринов в конце XVIII в. до 105 млн в 1818 г. Долги Бадена за то же самое время увеличились с 65 тыс. до 31 млн флоринов. Два эти государства были вынуждены взять на себя новые долговые обязательства в сумме соответственно 93 млн и 15 млн флоринов. Им пришлось предпринять ряд важных шагов на пути к финансовой модернизации именно по причине резкого возрастания задолженности и воспользоваться талантами таких министров-реформаторов, как Монтгелас в Баварии. Напротив, королевство Вестфалию при Жероме Бонапарте постигла финансовая катастрофа. У Вестфалии не было никаких надежд на сохранение платежеспособности, поскольку Наполеон с самого начала обременил ее долгом в 34 млн франков; самому себе он выделил 7 млн в год из доходов королевских владений, а конкретные земли и имения, приносящие 5 млн в год, назначил имперскими фьефами. Тысяче бенефициариев было гарантировано получение

ние 7 млн франков, или почти 20 процентов государственных доходов Вестфалии. В результате государственный долг вырос с 47 млн франков в 1808 г. до 220 млн в 1813 г.; как считалось, поступления не могли превысить уровень в 34 млн, в то время как на выплату военных контрибуций уходил 31 млн, не считая расходов на содержание 25-тысячной армии, которая обходилась еще в 11,5 млн франков. Хотя ставка земельного налога поднялась к 1812 г. с 5 до 20 процентов, отечественные поступления в реальности сократились, из-за чего ежегодный дефицит возрос с 8 млн франков в 1808 г. до 31 млн в 1813 г.

Из всех королевств-сателлитов успешнее всего шли дела в королевстве Италия, которым управлял вице-король Евгений Богарне, но даже здесь с 1805 по 1811 г. поступления увеличились лишь на 50 процентов, а дефицит вырос с 1 до 5 млн лир. Джузеппе Прина, министр финансов Евгения, установил ставку подушного налога в размере 176 миланских лир или 134 франков, которая не увеличилась за время правления Евгения, хотя в 1809 г. были учреждены новые косвенные налоги. Важным подспорьем для королевства стало присоединение Венеции, хотя одна пятая ее доходов, а также государственная собственность стоимостью в 30 млн франков были приданы новым фьефам; кроме того, ежегодно выделялась сумма в 1,2 млн франков на пенсии генералам, офицерам и солдатам, назначенным Наполеоном. В Неаполитанском королевстве, где правил Жозеф Бонапарт, феодализм был формально упразднен в августе 1806 г., и Редерер взамен прежних 23 налогов учредил единый земельный и промышленный налог по французскому образцу. Плоды этой реформы пожинал Иоахим Мюрат. 1808 год королевство закончило с дефицитом, но на следующий год бюджет был практически сбалансированным, а в 1810 и 1811 гг. наблюдалось увеличение поступлений, в то время как долг сократился более чем вдвое; лишь в 1812–1815 гг. военные расходы снова породили дефицит. Поступления в 1808–1811 гг. выросли с 48 до 72 млн лир, однако 71 процент всех расходов в 1813 г. (57 млн лир из общей суммы в 80,4 млн) уходило на содержание армии и флота. По вычислениям Редерера, налоговое бремя в Неаполе составляло 12 франков на одного жителя, по сравнению с 27–30 франками на душу населения во Франции в 1808 г.; но для бедной, по преимуществу аграрной страны это была, вероятно, серьезная сумма, вдобавок возросшая при Мюрате.

Но самые катастрофические последствия пребывания в составе империи имело для Голландии и Испании. Правда, в 1806 г. Гогель, голландский министр финансов, сумел внедрить в стране реформированную фискальную систему, которая в большей степени опиралась на его же неудачную попытку реформ 1801 г., чем на французский опыт. До этой реформы разрыв между доходами и расходами в 1804 г. оценивался в 38,2 млн флоринов, а на 1805 г. прогнозировался рост расходов. Реформа Гогеля обеспечила повышение доходов примерно на 16 млн флоринов, но общие ежегодные поступления в 1806–1809 гг.

оставались более-менее на одном уровне в 52 млн флоринов (примерно 113 млн франков); чистый доход превысил 50 млн лишь в 1809 г. Признававшийся дефицит колебался в пределах 18–28 млн флоринов; однако, если в сумму ежегодных расходов включить рост государственного долга, эта цифра в среднем возрастет примерно до 135 млн флоринов. Неспособность Луи Бонапарта осуществить финансовую реформу — в мае 1809 г. он уволил Гогеля, решив, что его неумолимость плохо сказывается на общественных настроениях — стала решающим фактором, обусловившим аннексию королевства Наполеоном в 1810 г.

В Испании долг Бурбонов в 7200 млн *reales de vellón* (примерно 1920 млн франков) перешел к режиму Жозефа Бонапарта и был в значительной степени выплачен за счет «национальной собственности» (то есть конфискованных владений монастырей и повстанцев, оценивавшихся в 9700 млн). Бумажные деньги Бурбонов (*vales reales*) можно было непосредственно обменять на собственность, но их предполагалось заменить «закладными» (*cédulas hipotecarias*), которые обращались в недвижимость, а затем сжигались. Эта система, которой были свойственны некоторые черты дискредитированных ассигнатов, дурно администрировалась, и в обращении находились другие виды бумажных денег, поскольку власть Жозефа простиралась лишь на часть страны. В результате бумажные деньги быстро обесценивались и к ноябрю 1809 г. стоили лишь четверть номинала. Поскольку ежегодные поступления сократились примерно на 100 млн *reales de vellón* в год из-за отказа от королевских монополий, закрытия игорных домов и прекращения прежней тарифной политики, государственный долг нового режима стабильно возрастал и к июню 1813 г. достиг 327 млн *reales de vellón* (87 млн франков). Если включить в эту цифру задолженность перед Францией (620 млн *reales de vellón* или 165,3 млн франков), мы получим более реалистичную сумму долга, хотя инфляцию бурбонского долга оценить затруднительно из-за неудовлетворительного проведения политики по погашению задолженности. Совокупные затраты на содержание французской армии в Испании возросли с 532 млн *reales de vellón* в 1808 г. (142 млн франков) до 3242 млн в июне 1813 г. (865 млн франков за пять лет). Согласно явно преувеличенным оценкам, пятилетняя война в Испании обошлась Наполеону в миллиард франков металлической монетой и еще в три миллиарда займами и бумажными деньгами.

6. РЕФОРМЫ В «СТАРОРЕЖИМНЫХ» МОНАРХИЯХ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ ЭКСПАНСИОНИЗМУ (ДО 1815 Г.)

«Вскоре Амстердам станет вашей бухгалтерией», — говорил Камбон в Конвенте. Предполагалось, что оккупация австрийских Нидерландов и Голландии излечит французский финансовый дефицит и подорвет то доверие, на котором был основан британский кредит. Мало кто

до конца осознает, насколько близко сменявшие друг друга революционные правительства подошли к осуществлению этой цели. Французское вторжение в Голландию 1794 года временно лишило такие иностранные державы, как Россия, их главного денежного рынка, при том что воевавшая с Францией коалиция в целом состояла (за исключением Великобритании) из держав, более отсталых и экономически, и в смысле финансовой структуры. Наполеон наносил им еще более сокрушительные удары, чем республика. Четыре самые значительные «старорежимные» монархии на континенте в период 1800–1806 гг. либо были вынуждены помириться с Наполеоном, либо потерпели от его войск поражение: Россия запросила мира и в 1800 г. едва не заняла профранцузскую ориентацию; Австрия, Пруссия, Россия и Испания были побеждены или оккупированы соответственно в 1805, 1806, 1807 и 1808 гг. (причем Австрия еще раз потерпела поражение в 1809 г.). В каждом из этих государств период войны имел колоссальное значение для фискальной системы. Результаты произошедших перемен следует рассматривать в совокупности, потому что для них характерен ряд общих черт.

Ключевая цель для каждой из этих четырех стран состояла в том, чтобы по крайней мере избежать ослабления в эпоху революционного и наполеоновского экспансионизма; по мнению их правителей и политических лидеров, было бы весьма желательно воспользоваться теми возможностями, которые сулил европейский конфликт, и стать сильнее соперников. Например, по сравнению с Пруссией и Россией Австрия в эпоху второй коалиции очень тщательно взвесила все возможные приобретения и потери. Большинство выдающихся мыслителей Просвещения крайне критически относились к современной им практике международных отношений, в которой по примеру Пруссии, в 1740 г. захватившей Силезию, господствовало стремление к оккупации и расчленению. При анализе катастрофических последствий Семилетней войны нередко забывают о том факте, что финансы Пруссии имели более прочную основу, чем в какой-либо из других континентальных держав, участвовавших в войне. Как ни странно, конфликт 1740 года в долгосрочном плане оказался для этой страны очень выгодным: Пруссия с 1740 по 1786 гг. находилась в состоянии войны меньше времени, чем какая-либо из других главных европейских держав. Более того, эта передышка была удачно использована во время *rétablissement*, то есть периода послевоенных реформ Фридриха Великого. К 1786 г. Фридрих скопил резерв в 51,3 млн рейхсталеров в государственной казне и связанных с ней фондов, что соответствует примерно 192 млн фунтов. Французское правительство в этот период никогда не имело текущих накоплений, не говоря уже о сопоставимом резервном фонде. Явное «возвышение» Пруссии в 1763–1793 гг. совпадало с частичным закатом Франции как в финансовом, так и в политическом смысле. Что касается Австрии и России, чьи финансы после 1763 г. находились в более

плачевном состоянии, чем прусские, то в силу одних лишь финансовых соображений необходимой предпосылкой для мобилизации являлся предварительный раздел завоеванных земель.

Мир 1763 г. раскрыл Марии-Терезии глаза на то, что попытка вырвать Силезию из-под власти Пруссии была «химерой». Иосиф II, который с 1765 г. являлся соправителем Марии-Терезии в соответствии с практически неработоспособным политическим договором, пытался учредить на австрийских землях нечто подобное прусской кантональной системе. Такая политика была в известной степени внутренне противоречива, поскольку Иосиф был убежден, что «чисто военное правление» Фридриха Великого настолько опустошило «его провинции, что в случае войны он не сможет извлечь из них дополнительные ресурсы». Тем не менее не Иосиф, а Мария-Терезия воспрепятствовала полному воплощению кантональной системы, несмотря на большие успехи, достигнутые к 1771 г. К концу ее правления военные реформы совместно с ростом населения позволили в военное время выставлять такую большую армию, что затраты на ее содержание — 65 млн флоринов в одном лишь 1779 г. — были чрезмерными. Война за баварское наследство 1778–1779 гг. представляла собой косвенную попытку заставить Фридриха расплатиться за захват Силезии в 1740 г. Австрийская монархия в 1778 г. мобилизовала 195-тысячную армию, а на следующий год попыталась довести ее численность до 308 тыс. человек. Военные действия не привели к решающему результату, однако финансовые затраты оказались существенными. Австрийская монархия, по словам Иосифа II, осталась «фактически без союзников» и поэтому была вынуждена «изыскивать внутренние резервы и полагаться только на них». Как и предсказывал Кауниц, огромная армия не гарантировала решающего преимущества над Пруссией, однако гарантировала колоссальные расходы. При затратах в 100 млн флоринов и той энергии, которая ушла на упорное проведение после 1763 г. финансовых реформ, результаты оказались смехотворно малыми: приобретение Иннфиртеля, небольшой территории в 1000 кв. миль с населением в 120 тыс. человек, поступления от которой составляли около полумиллиона флоринов в год. Намного больший ущерб причинила трехлетняя война с турками-османами (1788–1790). Иосиф II признавал, что такие войны приносят сомнительную экономическую и финансовую выгоду: «Даже если война окажется успешной, денежные затраты и людские потери, особенно вследствие болезней, неизбежно причиняют огромный вред, не говоря уже об опустошенных провинциях и обезлюдении и бесплодности тех земель, которые удастся завоевать». Расходы на армию численностью около 315 тыс. человек составляли 207,7 млн флоринов. Хотя поступления выросли с 65,8 млн флоринов в 1781 г. до 87,5 млн к 1788 г., темпы роста оставались недостаточными. Для покрытия дефицита к 1790 г. было напечатано бумажных денег на 28 млн флоринов (*Banco-Zettel* или *Bankozettel*), а государственный долг к тому

моменту достигал 400 млн флоринов. Таким образом, провал планов Иосифа II по проведению фискальной реформы имел громадные последствия. Несмотря на его заявления о том, что «в отношении финансовых догматов веры я стал атеистом», единый земельный налог при его учреждении имел заметное сходство с *impôt unique* («единым налогом») физиократов. Этот налог и аграрное законодательство вступили в силу в феврале 1789 г.; отныне с любых крестьянских земельных наделов, которые не входили в состав помещичьих земель, полагалось уплачивать налог в размере 12,22 процента от дохода владельца и еще 17,77 процента в качестве постоянного выкупного платежа дворянству; 70 процентов оставалось в распоряжении домохозяйства. Новые налоговые принципы в военное время оказались непрактичными, и Иосиф II самочинно изменил сущность земельного налога: отныне он взимался не с чистого дохода, а с валового объема продукции. Это создавало перспективу реального увеличения налогового бремени на крестьянство, в то же время сокращая доходы аристократии; вследствие этого реформа привела в восстанию в Венгрии и всеобщему недовольству в других частях империи. Намерение Иосифа перенаправить большую долю венгерских налоговых поступлений в Австрию было хорошо известно (по словам Иосифа, Венгрия в результате стала бы «новым Перу»). Столкнувшись с аналогичными мятежами в австрийских Нидерландах и в Венгрии, Леопольд II, едва взойдя на престол в 1790 г., немедленно отменил эти реформы, и хотя это несколько не способствовало преодолению финансового кризиса в монархии, Леопольду удалось несколько снизить чрезвычайные военные расходы (с 41,8 млн флоринов в 1790 г. до 16,4 млн флоринов в 1792 г.), однако государственный долг несколько возрос к 1792 г. (до 417 млн).

Нежелание воевать с Францией было обычным делом в землях австрийских Габсбургов, но те заручились согласием подданных, пообещав, что война будет короткой и налоги не будут подняты; это обещание было нарушено в 1794 г. В промежутке между 1781 и 1818 г. только в одном году поступления оказались выше текущих расходов австрийской монархии. 1793 год был закончен с дефицитом в 10 млн флоринов (около 1 млн фунтов). В соответствии с прецедентом, установленным в 1702 г., австрийские власти попытались воспользоваться своей кредитоспособностью для получения займов на британском финансовом рынке. В декабре 1794 г. Питт признал, что в обмен на выставление австрийцами 200-тысячной армии британское правительство, вероятно, будет вынуждено дать им займовую гарантию на сумму в 6 млн фунтов. В январе 1795 г. займовая гарантия сократилась до размера в 4 млн фунтов или 40 млн флоринов, а впоследствии была увеличена до 4,6 млн фунтов, несмотря на страхи перед неминуемым банкротством Австрии и опасения относительно вероятного бездействия ее армии. Фокс считал займовую гарантию разновидностью субсидии, и события подтвердили его правоту. К окончанию Первой коалиционной

войны внешняя задолженность Австрии составляла около 116 млн флоринов, или одну пятую общего государственного долга.

С выходом Пруссии из войны в 1795 г. все бремя боевых действий легло на плечи Австрии, и к 1796 г. ее финансы продолжали функционировать лишь благодаря выпуску бумажных денег в объеме 46,8 млн флоринов; на следующий год обмен банкнот на металлическую монету был приостановлен. После того как военные поражения подорвали финансовую мощь Габсбургов, фискальная слабость все более затрудняла ведение войны. Хотя цели австрийцев казались англичанам подзрительными, и те предпочитали заключать союзы с Пруссией и Россией, британские займы Австрии с 1800 по 1808 гг. составляли 31,3 млн флоринов. Но и этой суммы не хватило, чтобы предотвратить банкротство, ставшее результатом затрат на две мобилизации и поражений в 1805 и 1809 гг. Австрийский финансовый кризис 1805 г. усугублялся тем фактом, что англичане приостановили платежи, опасаясь, что эти деньги просто перетекут во вражескую казну; но и при этом, по всей вероятности, 1 млн фунтов британских субсидий, полученных Австрией, ушло во Францию в качестве военной контрибуции. К 1806 г. в обращении находилось почти 450 млн флоринов в виде *Bankozettel* при дисконтной ставке, равной 175. Впоследствии Австрия потерпела еще одно поражение под Ваграмом в июле 1809 г. — к тому моменту Великобритания выдала Габсбургам 1,19 млн фунтов звонкой монетой на финансирование боевых действий. Два австрийских поражения привели к уплате контрибуции на общую сумму в 350 млн франков, большая часть которой была истрачена на оккупацию страны; но и во французскую казну попало около 120 млн франков. В декабре 1809 г. австрийское правительство было вынуждено изъять все серебро, находившееся в распоряжении его подданных (кроме Венгрии) для выплаты французам второй контрибуции. К тому времени общая масса находившихся в обращении *Bankozettel* увеличилась до 846 млн флоринов при дисконтной ставке 469, что напоминало печальную участь французских ассигнатов.

Незадолго до реформаторских мероприятий февраля 1811 г. общая сумма *Bankozettel* возросла до 1060 млн флоринов при дисконтной ставке, равной 800. В ходе реформы все *Bankozettel* и мелкая монета были изъяты из обращения и обменены на новые бумажные деньги, которые назывались выкупными облигациями (*Einlösungsscheine*); старые деньги обменивались на новые в соотношении 5 к 1 при одинаковом номинале. Поскольку все налоги, как и государственные пенсии и жалованье, предстояло платить новыми деньгами, размер налогов и жалованья таким образом увеличился в пять раз. Однако процентная ставка по займам была урезана вдвое; выпуск бумажных денег никогда не превосходил уровень в 212 млн, и эта сумма подлежала постепенной амортизации. В Венгрии эту систему пришлось вводить указом от сентября 1812 г., поскольку венгерский сейм отказался давать на нее

свое согласие. В австрийских землях она так и не выполнила своего назначения, поскольку когда в апреле 1813 г. снова началось серьезное перевооружение, правительство было вынуждено выпустить бумажных денег (которые на этот раз назывались *Anticipationsscheine*) еще на 45 млн флоринов; за этой эмиссией последовало еще семь секретных, в результате чего к апрелю 1815 г. новые деньги котировались при дисконтной ставке в 408. Количество находившихся в обращении бумажных денег, новых и старых, достигло 635 млн флоринов. Поэтому Австрия крайне нуждалась в британских субсидиях, но англичане не могли много дать, поскольку коалиция была создана еще до вступления Австрии в войну и британские резервы были исчерпаны: в 1813 г. финансовые обязательства Британии составляли всего 1 млн фунтов, хотя австрийцы получили еще полмиллиона различными припасами. На следующий год сумма субсидий оказалась несколько меньше из-за прекращения военных действий. Решение сократить номинальный размер армии до 400 тыс. человек (на практике — от 200 до 230 тыс.) и сохранять военный бюджет на уровне в 45–50 млн флоринов (официальный предел сперва составлял 40 млн, впоследствии был поднят до 44 млн) стало возможным лишь после 1815 г., благодаря тому, что Австрия почти 35 лет ни с кем не воевала (за исключением военной интервенции в Италию в 1820–1821 гг.). Такая экономия, наряду с ростом обычных поступлений с 50,7 млн флоринов в 1814 г. почти до 94 млн в 1817 г., который в основном произошел благодаря возвращению утраченных в 1809 г. территорий, давал некоторую надежду на возможность сбалансированного бюджета. Проблема состояла в том, что ежегодный дефицит продолжал существовать, и государственный долг вырос с 739 млн флоринов в 1816 г. до 905 млн в 1823 г., в то время как выплаты по процентам за этот период утроились с 12 до 36 млн. Даже списание британским правительством австрийского долга, составлявшего к 1823 г. 23,5 млн фунтов (неиспанными остались 2,5 млн фунтов), на фоне этой долговой горы осталось почти незамеченным.

Имеющиеся у нас данные по прусскому бюджету ненадежны или ошибочны. По уцелевшим отчетам можно судить, что поступления даже в военное время регулярно превышали расходы. Однако все прочие источники сходятся в том, что после 1786 г. наблюдалось обратное явление и что накопления, оставшиеся после Фридриха Великого, были растрочены из-за того, что Фридрих-Вильгельм II не желал пойти на ограничение своих внешнеполитических обязательств. К концу 1793 г. стало ясно, что Пруссия не может продолжать войну без субсидий. Из 13 млн фунтов, оставленных в 1786 г. Фридрихом Великим, осталось менее 3 млн — по крайней мере, так сообщили Гренвиллу, британскому министру иностранных дел — при том что поступления прусской короны регулярно оказывались ниже расходов. Пруссия дала понять, что содержание полевой армии в 100 тыс. человек требует субсидий от со-

юзников в размере 22 млн талеров (или 3,5 млн фунтов); а ведь в свое время Фридрих Великий похвалялся, что государствам второго класса в военное время не требуются зарубежные субсидии. К 1794 г. государственный долг Пруссии достиг 38,1 млн талеров, чем отчасти объясняется выход из войны на следующий год. Государство, которое на первый взгляд казалось одной из самых эффективных «старорежимных» монархий на континенте, в реальности страдало от внутренних политических разногласий и структурных слабостей, которые вынудили Пруссию после 1795 г. придерживаться нейтралитета в отношении Франции и обусловили неизбежное поражение в результате прямого военного столкновения в 1806 г. Пруссия в октябре 1806 г. была разбита под Йеной прежде, чем Англия успела ратифицировать ее запрос о возобновлении договора 1794 г. о субсидиях. Хотя ходили слухи о том, что перед захватом Берлина из прусской казны было вывезено звонкой монеты на сумму, эквивалентную 2 млн фунтам, англичане полагали, что прусские ресурсы «не только ослаблены и исчерпаны, но и... едва ли существуют вообще». Цена поражения оказалась громадной: территория Пруссии сократилась более чем вдвое (с 335 тыс. до 158 тыс. кв. километров), вследствие чего почти половина прусского населения оказалась в подданстве у других государств (население страны сократилось с 10,7 до 4,9 млн человек). Поражение едва не привело к фискальной катастрофе и имело колоссальные политические последствия, поставив страну на грань исчезновения как значительной державы. Даже около 1812 г. общие поступления составляли всего 17,2 млн талеров по сравнению с 29,7 млн около 1800 г. Государственный долг в 1807 г. достигал 53,7 млн талеров, к которым добавилась громадная контрибуция, наложенная Наполеоном: она составляла 515 млн франков, 220 млн из которых следовало передать в военное казначейство и такую же сумму выплатить оккупационным войскам; размер контрибуции превышал ежегодный доход усеченного прусского государства. Неудивительно, что долг быстро возрастал, достигнув уровня в 100 млн талеров в 1810 г., 112 млн в 1811 г. и 206 млн в 1815 г. К весне 1810 г. правительство Альтенштайна-Доны так и не смогло полностью выплатить французам контрибуцию и рекомендовало уступить Силезию; однако Харденберг, в том же году вернувшись на должность, обещал Фридриху-Вильгельму III изыскать средства для полной выплаты контрибуции. В реальности прусское правительство всеми силами пыталось уклониться от уплаты контрибуции, которая была сокращена до 198,7 млн франков (56,3 млн талеров), причем 154,5 млн оставались невыплаченными к 12 июля 1807 г. Ожидалось, что 15 млн из этой суммы будет выплачено наличными, 45 млн путем уступки королевских земель, а 90 млн — в виде торговых кредитов. Хотя путем различных ухищрений долг к ноябрю 1807 г. был сокращен до 108,4 млн, в марте 1813 г. он все еще составлял 44,4 млн. Тем не менее реформа прусской фискальной экономики все равно была жизненно необходима. Она началась после Тильзитского мира 1807 г., хотя

к 1820 г. оставалась незавершенной: по словам Харденберга, государство, не взявшее на вооружение революционные принципы, «должно либо смириться с тем, что их ему навязжут силой, либо погибнуть». Краткосрочной целью реформы было обложение личных доходов чрезвычайным прямым налогом в 1808 г.; долгосрочные цели включали в себя более справедливое распределение земельного налога, включая отмену льгот от него, и выравнивание налоговых различий между городом и селом. Инициатором этих идей был Штайн, а его дело продолжил Харденберг. Идеи Штайна не могли не вызвать негодования у знати, вследствие чего Харденберг в 1811 г. был вынужден объявить отступление и отказаться от отмены льгот.

Доходы русского правительства стабильно росли с 1763 по 1796 гг., но расходы по их сбору возрастали как в абсолютном выражении, так и в отношении к вырученным суммам. Когда Екатерина II в 1762 г. пришла к власти, полевой армии, сражавшейся против Пруссии, не платили уже восемь месяцев и задолженность по выплате составляла 17 млн рублей. Учет финансов велся из рук вон плохо (согласно одной оценке, доходы за 1764 г. составляли 9,3 млн рублей, а по другой — 19,9 млн за 1769 г.). Более правдоподобной цифрой за 1764 г. представляется общая сумма поступлений в 21,9 млн рублей; при вычете затрат по их сбору, достигавших 4,2 млн рублей, получим цифру чистого дохода в 17,7 млн (накладные расходы по сбору составляют 19,2 процента). К концу правления Екатерины объем поступлений подскочил до 73,1 млн рублей, но расходы на их сбор, равные 17,7 млн рублям (24,2 процента), снижают цифру чистого дохода до 55,4 млн рублей. Если фискальная организация всех стран «пыталась угнаться за расходами», то это особенно верно в отношении России, в которой рост поступлений со значительным опозданием следовал за ростом расходов. Расходы выросли с 21,6 млн рублей в 1764 г. до 78,2 млн в 1796 г. Дефицит приходилось покрывать выпуском бумажных денег — рублевых ассигнаций. Ассигнационный банк и бумажные деньги были учреждены в конце 1768 г. с целью финансирования первой русско-турецкой войны (1768–1774); к 1786 г. в обращении находилось около 45 млн рублей ассигнациями, причем лимит выпуска был поднят до 100 млн рублей ради финансирования второй русско-турецкой войны (1787–1792); к концу правления Екатерины II в 1796 г. было напечатано около 156,7 млн бумажных рублей. Итогом стало катастрофическое падение как стоимости ассигнаций, так и обменного курса рубля, например, в отношении к голландскому гульдену (особенно важному из-за того, что большая часть русских займов делалась на амстердамском финансовом рынке). Финансы России находились в наихудшем состоянии по сравнению с прочими потенциальными партнерами по коалиции: к 1796 г. государственный долг составлял 215 млн рублей, и при ежегодных поступлениях и расходах соответственно в 55,4 и 78,2 млн рублей он был обречен скорее расти, чем сокращаться.

Россия враждебно относилась к французской революции, но вплоть до 1797 г. ее война с якобинством ограничилась военной интервенцией в Польшу, несмотря на просьбы Австрии и Пруссии о военном содействии. Даже перспектива получить в 1795 г. британский заем на благоприятных условиях (1 миллион фунтов на 55-тысячную армию) не соблазнила Россию на нарушение нейтралитета. Этому наиболее предпочтительному для англичан союзнику приходилось действовать при наибольшем удалении от главного военного театра в условиях, когда его финансы были расстроены гораздо сильнее, чем у двух других потенциальных союзников. Период мира с Францией при Павле I затормозил накручивание дефицита, но за первое десятилетие правления Александра I финансы совершенно вышли из-под контроля. В 1803 г. поступления находились на уровне от 95,5 до 101,6 млн рублей ассигнациями, но расходы достигали 109,4 млн рублей. К 1805 г. поступления остались более-менее на том же уровне (порядка 100 или 107,2 млн рублей), а расходы выросли до 125,5 млн. Пагубная война с Наполеоном, закончившаяся Тильзитским миром, привела к росту расходов до 278,5 млн рублей в 1809 г. по сравнению со 127,5 или 133,8 млн рублей доходов. Русское правительство запросило у Британии 6 млн фунтов на продолжение войны, но получила отказ, вызванный опасением того, что русские не вернут долг; в любом случае англичане полагали, что война ведется ради защиты русских территорий и интересов, и поэтому финансовое содействие России оказывать не следует. В конце концов в ноябре 1807 г., выполняя обязательства, взятые на себя в Тильзите, Россия объявила войну Великобритании. Более того, увидев возможность вознаградить себя за Тильзитский мир, Александр I решил аннексировать Финляндию, что привело к новому витку расходов. Как и прежде, новые военные обязательства финансировались дальнейшим выпуском ассигнаций на рекордную сумму (соответственно 95 млн, 55,8 млн и 46,2 млн рублей в 1808–1810 гг.), и общее количество находящихся в обороте бумажных денег возросло до 477,4 млн рублей в 1808 г., 533,2 млн в 1809 и 579,4 млн рублей в 1810 г. К тому моменту ассигнации обесценились до рекордного уровня, составлявшего четверть их номинальной стоимости в серебре (25,4). Михаил Сперанский, новый финансовый советник при правительстве, называл в числе абсолютных приоритетов снижение объема находившихся в обращении ассигнаций, прекращение дальнейшей печати бумажных денег, сокращение расходов и выпуск бумаг внутреннего займа, аналогичного французскому *Caisse d'amortissement*. План Сперанского был принят указом от февраля 1810 г.: ассигнации признавались государственным долгом, который обещалось погасить полностью, а их дальнейший выпуск запрещался. Впоследствии предельный объем находившихся в обращении ассигнаций был установлен на уровне в 577 млн рублей, но соблюдать его не удавалось. Чрезвычайное финансовое бремя войн 1812–1815 гг.,

сопоставимых по своему значению с кульминацией борьбы с Карлом XII в 1709 г., не позволило воплотить в жизнь такое решение финансовых проблем. Россия потребовала от англичан ежегодную субсидию в 4 млн фунтов на продолжение военных действий, но Британия не могла столько заплатить с учетом того, что приоритетным для нее оставался Пиренейский полуостров. Более того, в той степени, в какой Британия вообще была согласна платить, она предлагала выдать субсидию бумагами, а не звонкой монетой; британские субсидии оказались невелики по сравнению с финансовыми потребностями, в частности, из-за сомнений в готовности русских сопротивляться Наполеону. Эти сомнения рассеялись только после Бородинского сражения, за победу в котором французы заплатили крайне высокую цену. Разрыв между поступлениями и расходами продолжал увеличиваться вследствие негибкости российской налоговой основы, и для исправления ситуации требовались займы и другие срочные меры. К 1815 г. в обращении находилось 825,8 млн рублей ассигнациями, которые еще немного обесценились по сравнению с 1810 г. (с 25,4 до 23,8). Долг продолжал возрастать даже после заключения мира и к 1825 г. достиг 1300 млн рублей.

Фактически провалом окончилась попытка более справедливого перераспределения налогового бремени при «старом режиме» в Испании, чем объясняются как низкая работоспособность фискальной системы, так и слабое сопротивление наполеоновской оккупации в 1808 г. Важнейшей идеей в правление Карла III было введение «единого налога» (*única contribución*), первоначально задуманного еще до распространения в стране идей физиократов. Была создана комиссия по реформе, задача которой состояла в том, чтобы продемонстрировать выгоды консолидированного сбора налогов по сравнению с тем множеством налогов, которые взимались в XVIII веке. Комиссия дала положительное заключение в апреле 1756 г. Поначалу идея так и заглохла, но в 1760 г. о ней снова вспомнили. Испанское правительство пыталось увеличить бремя прямых налогов за счет косвенных, но в тот раз из его усилий ничего не вышло (вследствие аристократической и народной оппозиции маркизу Эскилаче, кульминацией которой стали бунты 1766 г.). Неудачной оказалась и новая попытка реформ в 1770 г. Неспособность осуществить реформу фискальной структуры имела своим неизбежным следствием выпуск бумажных денег, а впоследствии лишение церковных земель неприкосновенности во время революционных войн. До 1768 г. *rentas provinciales* никогда не превышали 90 млн *reales de vellón* в год. Тем не менее повышение фискальной эффективности после 1779 г., связанное с выводом сельских земель из сферы *rentas provinciales* и переходом к прямому администрированию налогов, привело к росту поступлений с 102,6 млн *reales de vellón* в 1779 г. до 158 млн в 1793 г.

«Америка — душа нашего величия»: важнейшая роль колоний для благосостояния испанской монархии была восстановлена после мира

1763 г. (последовавшего за катастрофическим поражением Испании в предыдущем году, когда англичане захватили Гавану). Рост испанской военной и морской мощи в ответ на необходимость борьбы с британским проникновением был невозможен без увеличения доходов короны. Испанская колониальная империя рассматривалась как источник, который требовалось не только защищать, но и эксплуатировать, и нет сомнений в том, что имперские доходы выросли в течение XVIII века; после 1750 г. возобновились поступления из казначейства Лимы, хотя максимальных значений XVII века они достигли лишь к 1780 г. Хотя Испания в результате войны с Англией в 1779–1783 гг. вернула Минорку и Флориду, ее финансы подтачивал хронический дефицит, который удавалось закрыть лишь эмиссией бумажных денег — *vales reales*. В ходе войны Испания напечатала *vales reales* на сумму до 452 млн *reales de vellón*, и к концу войны бумажные деньги обесценились на 13 процентов (в какой-то момент они обесценились на 22 процента по отношению к номиналу). Доверие к бумажным деньгам было восстановлено лишь с заключением мира в 1783 г., и к 1789 г. правительство смогло выпустить бумажных денег еще на 99 млн с целью финансирования программы по строительству каналов.

Через два года после начала войны с Францией в 1793 г. коллективная воля правительства Годоя к продолжению сопротивления испарилась перед лицом внутренних заговоров и безудержного нарастания дефицита. В ходе войны были быстро исчерпаны как средства, полученные по новым займам, так и возможности стабильного увеличения обычных поступлений. За вычетом колоний, расходы к 1793 г. достигли 709 млн реалов, к 1794 г. возросли до 946 млн, а к 1795 г. — до 1029 млн реалов. Общий дефицит за четыре года (1793–1796) оценивался в 1269 млн реалов, из которых три четверти (964 млн) покрывалось выпуском бумажных денег (*vales reales*). Испанский флот был слишком слабым, чтобы сохранять нейтралитет по отношению к двум великим морским державам; Карл IV выбрал союз с Францией и войну с Великобританией; первый был заключен в августе 1796 г., вторая объявлена в октябре того же года. Эффективная британская блокада привела к финансовой катастрофе. Источники в данном отношении расходятся, но с началом военных действий и у генерального казначейства, и у его крупнейшего подразделения — мадридского казначейства — возникли проблемы с поступлениями. Согласно одной оценке, доходы короны, которые в 1793 г. составляли 584 млн *reales de vellón*, в 1797 г. упали до 487 млн, а расходы выросли до 1423 млн, что привело к дефициту в 945 млн. Неизбежно сократились поступления от таможенных сборов — важного источника доходов, — как и от еще более важного источника, американских колоний: поступления от последних в среднем составляли 123 млн в 1793–1795 гг. и в 1796 г. достигли 232 млн, сократившись в среднем до 17 млн в 1797–1801 гг. Правительство было вынуждено принимать бумажные деньги по их номинальной

стоимости, хотя они обесценились на 15–20 процентов: так, в 1797 г. правительству пришлось выплатить 1080 млн в *vales reales*, чтобы покрыть расходы в 900 млн. В мае 1798 г. у испанского правительства накопилось неуплаченных счетов на 26 млн при прогнозирувавшемся дефиците в 800 млн.

Добровольные пожертвования на ведение войны составили всего 23 млн, а подлежащий погашению беспроцентный патриотический заем помог собрать всего 1,5 млн. В конце августа 1798 г. Солар доносил о необходимости в «чрезвычайных мерах для накопления существенных фондов». Его предложение, в сентябре воплощенное в жизнь посредством четырех королевских указов, сводилось к прямой атаке на церковные богатства; *vales reales* можно было использовать для оплаты церковной собственности при постепенном выводе бумажных денег из обращения. Затраты на обслуживание королевского долга сократились на четверть, однако успех плана Солара зависел от результатов продаж церковных земель, выручка от которых помещалась в амортизационный фонд, что, в свою очередь, требовало сбалансированного бюджета, едва ли возможного во время войны с Англией. Почти сразу же пришлось объявить новый заем, а в апреле 1799 г. было выпущено *vales reales* почти на 800 млн; стоимость *vales reales* в первой половине 1799 г. упала на 30–45 процентов ниже номинала и к августу 1800 г. колебалась в районе 62–72 процентов от номинала. Лишь в 1802 г., после заключения мира между Францией, Испанией и Англией, *vales reales* вновь стали котироваться на уровне в 10–20 процентов ниже номинала. В августе 1800 г., пытаясь укрепить доверие к себе, правительство признало все *vales reales*, напечатанные до 1780 г., законным долгом монархии и создало отдельный консолидированный фонд. Согласно цифрам, предоставленным Наполеону в 1808 г., со временем удалось погасить около 300 млн из 2193 млн *vales reales*, находившихся в обращении. Попытка продажи церковной собственности обернулась для правительства полным крахом; продажа изъятых земель принесла всего 340 млн, а оставшиеся 1653 млн составляли новый долг. Возобновление войны между Францией и Великобританией в мае 1803 г. свело на нет все попытки уплатить по долгам. Наполеон в октябре 1803 задним числом заставил Карла IV заплатить «субсидию за довоенный нейтралитет» в сумме 6 млн франков (24 млн *reales de vellón*), несмотря на то, что война уже началась. Поскольку в наличии не имелось источников поступлений, на оплату счетов испанцам пришлось пустить консолидационный фонд; однако и эта мера оказалась невыполнимой, и в сентябре 1805 г. Карл IV был вынужден подписать контракт с амстердамским домом «Хоуп и компания» на получение займа в 10 млн флоринов (80 млн *reales de vellón*) при 5,5 процента годовых. В 1808 г. долг перед Францией достигал 31,6 млн *reales de vellón*, и еще 318 млн Испания задолжала голландским банкирам.

В ответ на испанскую «субсидию за нейтралитет» англичане захватили три из четырех испанских фрегатов с серебром, направлявшихся в Испанию из Мексики; Испания, в свою очередь, в декабре 1804 г. объявила войну Англии. Доходы короны от Индий сократились со средней цифры в 193 млн за 1802–1804 гг. до 28 млн в 1805–1807 гг., а средняя выручка от таможен упала вдвое, с 187 до 85 млн. Согласно цифрам, представленным Наполеону, расходы в 1807 г. составили 637 млн при поступлениях в 505 млн, и дефицит соответственно равнялся 132 млн. Новые налоги оказались абсолютно непопулярными и не позволили получить достаточно средств для того, чтобы закрыть дефицит. Одним из факторов, стоявших за решением Бонапарта захватить Испанию в 1808 г., было опасение перед финансовым крахом в стане союзника: как считал Наполеон, Испания обладает колоссальными богатствами, которыми ее некомпетентные правители не в состоянии воспользоваться, и получаемые им донесения лишь укрепляли его в этом мнении. Однако он так и не понял, что война нанесла смертельный удар связям Испании с ее американскими колониями. В данном отношении контраст с Португалией очевиден. Успешное франко-испанское наступление на Португалию в 1807–1808 гг. заставило правительство этой страны отправиться в изгнание — в Бразилию, где в результате укрепилась власть португальцев и стало возможным организовать сопротивление испанскому правлению в Америке. Напротив, в испанских колониях цариле недовольство имперским правительством; колонисты не знали, признавать ли им Фердинанда VII, Жозефа Бонапарта, либо провозглашать независимость: в рамках «лоялистского» восстания зародилась идея о «свободных нациях». Эти разногласия и расколы в сочетании с насильственной изоляцией от метрополии вследствие британской блокады вызвали утрату Испанией большей части своей империи в 1808–1810 гг. и изменили весь курс ее финансовой истории. К моменту реставрации Фердинанда VII неизбежное свершилось. Повстанцы в испанской Америке окончательно прекратили поставки драгоценных металлов, и без того сведенные почти к нулю британской блокадой в 1804 г. Внешние поступления (доходы от таможен и платежи из колоний), до войны 1793 г. составлявшие почти четверть всех доходов испанского правительства, после 1815 г. упали ниже уровня в 10 процентов. Поставки серебра прекратились совершенно. Понесенные Испанией экономические потери по разным оценкам составляли от 2,3 до 5,6 процентов национального дохода, причем от 1 до 1,3 процента потерь были вызваны только прекращением поставок серебра. Вернувшись к власти, Фердинанд VII (1814–1820) занялся восстановлением американской империи, пойдя лишь на минимальные уступки в отношении местной автономии. Результатом явилось политическое и финансовое банкротство страны. Его могло предотвратить лишь американское серебро, однако вновь покорить Америку могло лишь платежеспособное государство. В реальности испанская Америка была потеряна безвозвратно.

7. ЦЕНА, ЗАПЛАЧЕННАЯ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ФИНАНСОВУЮ ГЕГЕМОНИЮ

Войну Великобритании и Голландской республике в феврале 1793 г. первой объявила Франция. Хотя Великобритания вступила в войну 1793 г. ради сохранения баланса сил в континентальной Европе, а не ради расширения империи («[французские] острова в Вест-Индии не стоят одного года бесценного спокойствия, которым мы сейчас наслаждаемся», — считал Гренвилл в 1791 г.), но раз уж война началась, целью Англии стали захват французской заморской империи, «имея в виду увеличение нашего национального богатства и повышение безопасности», и превращение в «крупнейшую торговую и военно-морскую державу мира». Генри Дандас утверждал в 1801 г., что «...нынешняя мощь и превосходство нашей страны» находятся в прямой зависимости от «объема ресурсов, извлекаемых благодаря торговле и военно-морским силам, которые неотделимы друг от друга». Однако было необходимо, чтобы развитие британских «промышленных и торговых предприятий» не «обгоняло расширения ее иностранных рынков». Французская колониальная торговля рухнула в самом начале войны, после восстания рабов на Гаити в 1791 г. (этот остров обеспечивал три четверти объема всей торговли). Большая часть французских владений в Вест-Индии была оккупирована в первые полтора года войны, но полный контроль над этим регионом (ликвидация всех вражеских гарнизонов и создание семнадцати собственных гарнизонов) Британия получила лишь в 1810 г. Морская блокада, установленная Британией в 1793 г., привела к гибели французского торгового флота, а закрытие континентальных рынков привело к остановке во Франции промышленного производства до 1796 г. Таким образом, практически одним махом экономическая мощь важнейшей соперницы Британии была серьезно подорвана и сделан решительный шаг к британской всемирной экономической гегемонии. Как полагал Рикардо, расходы на войну в какой-то степени были возмещены реальным ростом британской экономики, и это в значительной степени склонило чашу весов в пользу Великобритании. Тем не менее война несла с собой не только экономические выгоды, но и издержки. С 1792 г. до заключения Амьенского мира в 1802 г. британский экспорт в среднем возрастал на 5,9 процентов в год, причем в первые годы войны медленнее, чем в 1798–1802 гг. Решающую роль в успехе экспорта играли шерстяные, но в первую очередь хлопчатобумажные ткани (экспорт которых в 1790–1811 гг. в среднем возрастал на 5,6 процента в год). Тем самым часть субсидий в 21,2 млн фунтов, выплаченных британским правительством союзникам в 1793–1801 гг., вернулась в форме оплаты за британские товары.

Континентальная блокада Наполеона, вводившаяся берлинским указом от ноября 1806 г., представляла собой попытку лишить Брита-

нию этих выгод путем экономической автаркии: британским товарам просто закрывался доступ на европейские рынки, находившиеся под контролем Наполеона. Эта политика принесла известный успех. Темпы роста британской экономики существенно сократились: в 1802–1814 гг. экспорт ежегодно возрастал лишь на 3,1 процента по сравнению с 5,9 процентами в 1792–1802 гг. Даже поразительный рост экспорта хлопчатобумажных тканей (17,2 процента в год в 1792–1802 гг.: в 1800 г. хлопчатобумажные ткани составляли 24 процента всей стоимости экспорта промышленных товаров, а в 1815 г. — 42 процента) замедлился, в 1802–1814 гг. в среднем повышаясь лишь на 8,4 процента в год. Британия была вынуждена принять решительные контрмеры, в первую очередь с целью защиты своих имперских интересов и охраны трансатлантической торговли. До 1807 г. нейтральным странам позволялось осуществлять значительную долю трансатлантических торговых перевозок. Вакуум, образовавшийся в 1792 г. с устранением традиционного соперника по колониальной торговле — Франции, заполнили американские корабли. Стоимость американского экспорта возросла с 20 млн долларов в 1792 г. до 108 млн в 1807 г. — рекордной цифры для данного периода; в те же годы американский торговый флот сменил французский в роли второго в мире после британского. Итогом стал кризис британской имперской экономики, ответом на который явился королевский указ от ноября 1807 г., запрещавший американцам торговать с враждебными Британии странами иначе, чем через британские порты. Этот указ оставался в силе до июня 1812 г., но за четыре дня до его отмены Мэдисон провозгласил состояние войны с Великобританией. Война 1812–1814 гг. отвлекала на себя существенную часть британских ресурсов в момент кульминации борьбы с Наполеоном; однако результатом экономического соперничества с Америкой в 1807–1815 гг. явилось изгнание американского торгового флота из морей и ликвидация этой серьезной угрозы для британской гегемонии. Великобритания сохранила контроль над Канадой, а Америка фактически превратилась в британского экономического сателлита. Отношения с традиционно дружественной Данией в результате принятия указа против нейтральной торговли также упали до наинизшей отметки; датчане в сентябре объявили войну, но англичане уже решили нанести превентивный удар по Копенгагену с целью уничтожения соперничающего флота, который мог попасть в руки Наполеона.

Вторым британским ответом на Континентальную блокаду стала более энергичная попытка пресечь, а по возможности захватить поставки металлической монеты в Испанию и Португалию из их колониальных владений. Французские революционеры утверждали, что Испанская империя смертельно больна и готова к освобождению (они говорили о «l'imbécillité du joug espagnol»¹⁴), но вследствие господства

14. Глупость испанского гнета (фр.).

британского флота не могли протянуть колонистам руку помощи. Потребность Британии в импорте драгоценных металлов для облегчения выдачи зарубежных субсидий вновь со всей остротой поставила вопрос о «связях с испанской Америкой». В 1806 г. Попэм ненадолго захватил Буэнос-Айрес и послал домой призовых денег на 1,1 млн фунтов; но последующие военные действия против Буэнос-Айреса были неудачными, и сомнительно, чтобы финансовые и торговые выгоды перевешивали затраты на эти операции. Смена династии в Испании и восстание против французского правления в 1808 г. позволили англичанам куда более эффективно проникать на рынок испанской Америки, чем прежде, хотя испанская Хунта не горела желанием открывать свои колониальные рынки. К этим преимуществам добавилась существенная выгода, полученная благодаря нападению французов на Португалию в 1807 г.: англичане в безопасности доставили португальский двор в Рио-де-Жанейро, а договор 1810 г. о торговле и союзе открыл бразильский рынок (а через Бразилию и торговлю с Анголой) для британских товаров, не ставя никаких ограничений. К 1812 г. британский экспорт в Бразилию своей общей стоимостью превышал экспорт в Португалию. Этот договор представлял собой классический пример британского превентивного удара в экономическом смысле: был получен привилегированный доступ к дешевому сырью, открыты новые рынки для британских товаров, предотвращен ответ со стороны иностранцев. Более того, португальское правительство оказалось не в состоянии вернуться к той политике, которую оно проводило со времен Помбала: с 1807 г. и вплоть до возвращения Жоана VI из Бразилии в 1821 г. материковой Португалией правил регентский совет, самым влиятельным членом которого был британский генерал У. Карр Бересфорд. Едва ли Португалия могла заплатить более высокую цену за британскую помощь; в 1825 г. она была вынуждена признать независимость Бразилии. Британия же сохранила свою империю, при этом явно выиграв от насильственной деколонизации двух своих формальных соперниц.

Накануне войны 1793 г. британский премьер-министр Питт якобы отмечал, что «у него готово два миллиона [фунтов стерлингов] и что он гарантирует увеличение постоянных поступлений на 600 тыс. фунтов в год...» Подобные суммы совершенно не соответствовали размаху последующего конфликта. Ежегодные британские расходы за время войны выросли шестикратно по сравнению с предвоенным уровнем, и общие затраты в 1793–1815 гг. составили около 1039 млн фунтов в текущих ценах. Военные расходы представляли собой основную долю всех затрат в течение всего XVIII века. Расходы на войну составляли в среднем 5,2 млн фунтов в год во время Войны за испанское наследство, 9,5 млн фунтов в год во время Семилетней войны и 9,9 млн фунтов в год во время войны за независимость США; в последних войнах с Францией эта величина поначалу в среднем составляла 22 млн фунтов за 1793–1797 гг., а в 1815 г. достигла 84 млн фунтов. В реальном вы-

ражении средние ежегодные расходы выросли с 13,2 млн фунтов за год в 1798–1801 гг. до 28,3 млн фунтов за год в последние годы войны. С учетом инфляции мы получаем явный рост расходов в реальном выражении. В последний период войны они выросли также в отношении к объему национального дохода, составляя около 6 процентов от него в 1792 г., а в критические 1808–1815 гг. доходя до 25 процентов, что также выше, чем во всех предыдущих конфликтах. Очевидным последствием этого колоссального скачка в расходах являлся столь же значительный рост номинальной суммы государственного долга — с 290 млн фунтов в 1788–1792 гг. до 862 млн фунтов к 1815 г. Годы войны были отмечены инфляцией, и суммы, ссужаемые государству, оценивавшиеся в ценах 1788–1792 гг., в реальности сократились, составляя в среднем по 18 млн фунтов в год на первых этапах войны (1793–1797) и 11 млн в средний период (1798–1812), но снова выросли, превысив 18 млн фунтов на затратном последнем этапе (1813–1816). Реальные процентные ставки в течение всей войны снижались, однако номинальный объем государственного долга утроился. Хотя этот момент остается предметом дискуссий, инвестиции в британскую экономику, судя по всему, были ограничены, но не совсем «вытеснены» огромной потребностью правительства в займах, поскольку доля инвестированного национального дохода в течение почти всей войны оставалась приблизительно постоянной.

Резкое возрастание государственного долга привело к тому, что объем выплат кредиторам по процентам в 1793–1815 гг. составил около 236 млн фунтов. Для того чтобы получить эти суммы и поддержать кредитоспособность правительства, приходилось серьезно повышать налоги: примерно 60 процентов всех чрезвычайных налогов, собранных в стране в 1793–1815 гг., ушло на выплаты по процентам или на погашение суммы долга. Процентное соотношение (но не абсолютные суммы в денежном выражении) оставалось примерно постоянным — 63 процента чрезвычайных налогов в годы войны составляли налоги на доходы и на роскошь, хотя это обстоятельство предполагает наличие какого-либо финансового планирования, в реальности совершенно отсутствовавшего: Питт и его преемники «просто-напросто хватались то за одно, то за другое, пытаясь протянуть от бюджета до бюджета». Большая часть дополнительных налоговых поступлений в 1793–1815 гг. (около 55 процентов) была получена путем повышения ставки налогов, уже существовавших до войны; 36 процентов обеспечивалось примерно 21 новым налогом. Среди последних самым важным был налог 1799 г. на доходы или на собственность, предложенный Питтом в ноябре 1797 г. и учрежденный в январе 1798 г.: он позволил выручить 1,86 млн фунтов в 1798 г. и 6,05 млн фунтов в 1799 г. Вследствие того что правительство все больше нуждалось в средствах и старалось удовлетворить свои потребности в основном за счет косвенных налогов, а также благодаря инфляции, Великобритания — которая до войны

и без того занимала второе место в Европе по тяжести налогов, уступая только Соединенным Провинциям — в какой-то момент во время войны стала страной с самым тяжелым налоговым бременем из всех европейских государств. С 1803 по 1812 гг. англичане платили в среднем втрое больше налогов на душу населения в хлебном эквиваленте, чем французы. К 1818 г. поступления британского правительства равнялись 1184 млн франков, французского — 732 млн. Отказ французского государства от своих долговых обязательств, а также нелюбовь Наполеона к долгам и невозможность брать займы дополнительно усиливали это неравенство относительного налогового бремени: государственный долг на душу населения в Великобритании составлял в 1818 г. 1210 франков, а во Франции — всего 80 франков.

Британские резервы драгоценных металлов и монеты в 1793 г. оценивались в 7 млн фунтов, а в апреле 1794 г. достигли 9 млн фунтов. В 1793–1815 гг. Великобритания выплатила союзникам 65,8 млн фунтов в виде субсидий, причем почти половина из них (30,7 млн фунтов) приходилась на последние пять лет войны; общий объем субсидий составлял почти 10 процентов всех поступлений, собранных во время войны. Общая сумма «заморских расходов», за исключением расходов на содержание британских войск, за 1793–1815 гг. равнялась 163 млн фунтов, причем основная доля расходов опять приходилась на период после 1812 г. Впрочем, реальные цифры для последних лет войны были существенно ниже из-за серьезной ценовой инфляции. До 1808 г. выплаты по иностранным субсидиям были относительно скромными, за исключением 1795 г., и не превышали более 1–2 процентов национального продукта. Гренвилл выступал против выдачи более 2 млн фунтов субсидий в год, указывая, что «германские князья принимают Англию за дойную корову»; Питт полагал, что было бы куда более разумно, если бы прусский король «действовал сам по себе, рассчитывая на собственные ресурсы». Однако, защищая политику субсидий от нападок Фокса, по словам которого «все военные расходы» могут лечь на плечи Британии, Гренвилл указывал, что Британия всегда считала «более дешевым и политичным платить иностранным войскам вместо того, чтобы отрывать нашу молодежь от плуга и от ткацкого станка, и тем самым не только остановить всю отечественную промышленность, но и обескровить остров и уменьшить силу нашей нации». Британское превосходство в военно-морской мощи, торговле и богатстве «очевидно», но «в отношении населения и возможности иметь большую армию Британия вынуждена отдать пальму первенства своей сопернице...» Гарантии по австрийским займам служили лишь одним из нескольких факторов, которые в 1797 г. привели британскую финансовую систему на грань краха; с января по март резервы драгоценных металлов и монеты сократились с 3,3 до 2,2 млн фунтов — абсолютный минимум для данного периода. Правда, несмотря на попытки революционного правительства во Франции пресечь утеч-

ку монеты за границу, и эмигранты, и оставшиеся в стране банкиры принимали активные меры, размещая в Лондоне инвестиции с целью избежать обесценивания своих капиталов в эпоху ассигнатов. Резервы Английского банка существенно возросли за счет таких зарубежных вкладов во время конфликта с Францией, но основной рост наблюдался после 1801 г. В 1796–1797 гг. возврат к металлическому стандарту во Франции стал неприятным ударом для Английского банка, хотя невозможно оценить, насколько серьезным. Противники Питта называли иностранные субсидии главной причиной банковского кризиса 1797 г.: Британия истратила на ведение войны не менее 13 млн фунтов либо в монете, либо в векселях и выплатила 10 млн фунтов субсидий. Однако в год, предшествовавший банковскому кризису, было истрачено 4 млн фунтов только на покупку зерна за границей, и следовательно, кризис платежного баланса был вызван не только военными расходами и субсидиями союзникам. Питт решил, что следует не прекращать субсидии, а финансировать за счет налогов намного большую долю государственных расходов, чем прежде. Основным предметом беспокойства оставались обменный курс и платежный баланс; заметное внимание уделялось также резервам драгоценных металлов и монеты, однако считалось (вероятно, справедливо), что положение с резервами автоматически улучшится при сохранении обменного курса и платежного баланса на должном уровне.

По Акту о приостановке выплат от февраля 1797 г. Английский банк прекращал платежи наличными. С этим ограничением на конвертируемость векселей Английского банка в золото и в звонкую монету начался период так называемого бумажного фунта, который продолжался до 1821 г. В результате этой меры иностранные инвестиции были заперты в Великобритании, поскольку при их переводе за рубеж в векселях они обесценивались из-за падения лондонского обменного курса. Количество находящихся в обороте денег возросло, и возникла опасность вызвать в Британии «гиперинфляцию», сопоставимую с французской. Этого так и не случилось, несмотря на страхи, одолевавшие критиков правительственной политики, и яростные нападки Давида Рикардо на деятельность сменявших друг друга в 1809–1810 гг. правительств. Англичане не смогли бы финансировать Веллингтона и армии европейских союзников, если бы пустили ограниченный золотой запас страны на обеспечение полной конвертируемости. Континентальная блокада Наполеона поначалу пагубно сказалась на способности британцев выплачивать зарубежные субсидии. Платежный баланс в 1808 г. достиг критического уровня как раз в тот момент, когда снова возникла потребность в выдаче субсидий; испанцам было сказано, что невозможно «найти достаточно серебра, чтобы удовлетворить многочисленные запросы, предъявляемые в данный момент нашим ресурсам», и выплаты пришлось производить в казначейских векселях. Как только кризис 1808–1809 гг. был преодолен, британское правительство снова

смогло выделять средства на субсидии и содержание своих вооруженных сил за границей: средние ежегодные платежи в 16,1 млн фунтов в 1808–1815 гг. соответствовали 5,3 процентам национального продукта в 1811 г., в то время как особенно выдающимся был 1813 год, когда выплаты составили 27,4 млн фунтов, что равнялось не менее чем 8 процентам национального продукта.

Эти общенациональные усилия привели к мирному урегулированию, весьма отвечавшему интересам Великобритании и закрепившему за страной экономическую гегемонию, которая продолжалась в течение почти всего XIX века. Правда, союзные интересы Британии накануне битвы под Ватерлоо привели к тому, что Пруссия получила рейнские земли — «ошибка, оказавшаяся фатальной» для британских интересов, но проявившаяся значительно позже. Пальмерстон ясно выразился, что у Британии «нет ни сил, ни возможности для того, чтобы помешать независимым странам» присоединиться к созданному в 1834 г. прусскому таможенному союзу, *Zollverein*, хотя тот мог представлять собой угрозу для британского экспорта. Таможенный союз был создан отчасти в качестве реакции на дискриминационные британские зерновые законы, и экономическое соперничество между новым германским таможенным союзом и Великобританией было заложено с самого начала. В целом, двусторонние торговые соглашения, в которые Англия вступила после Венского конгресса, просто устранили дискриминационные тарифы на британские товары и дискриминационные портовые сборы с британских кораблей. Этот меркантилистский протекционизм был взаимным. Некоторые государства — такие как Испания и Португалия — в полной мере познали на своем опыте все последствия политики «открытых дверей» и отказывались от каких-либо новых договоров. Франция после произошедшей в 1814 г. реставрации несколько месяцев заигрывала с принципом свободной торговли, но как только стали ясны ее катастрофические последствия, перешла на протекционистские позиции, на которых находилась до 1860-х гг., хотя французские тарифы с 1820 примерно до 1880-х гг. стабильно устанавливались на более низком уровне, чем в Великобритании. Продолжение меркантилистской политики во внешних сношениях после 1815 г. сопровождалось принципом *laissez-faire* во внутрибританских делах. Правительство лорда Ливерпуля осуществляло регрессивную фискальную политику, которая (после отмены подоходного налога в 1816 г.) основывалась на косвенных налогах для обслуживания государственного долга и финансирования увеличившихся в размерах армии и флота мирного времени (которые в 1820–1825 гг. обходились в 2,5 раза дороже, чем в 1788–1792 гг.). В качестве последнего примера финансового консерватизма в 1821 г. в связи с возвратом к золотому стандарту был отменен «бумажный фунт». Отказ от любых претензий на погашение долга в 1828 г. можно рассматривать как консервативный шаг в том смысле, что Амортизационный фонд представлял собой новшество. Но в пер-

вую очередь, даже после наступления мира государственные расходы продолжали расти, и в 1816 г. налоговое бремя было почти в три раза тяжелее по сравнению с предвоенным уровнем. Кредиторы государства в целом выиграли от заключения мира гораздо больше, чем простые британские налогоплательщики.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Керсент в 1793 г. уверял Конвент в том, что «английский кредит основывается на фиктивном богатстве»; Наполеон тоже был убежден, что британский государственный долг — это «ненасытный червь» (*ver rongeur*), который может подточить экономику страны. Со стороны англичан, лорд Гренвилл еще до начала войны писал, что «пузырь французских финансов... неизбежно должен лопнуть».

Предположение о том, что война окажется недолгой из-за финансовых проблем государств, оказалось и в революционный, и в наполеоновский период заблуждением. Англичане медленно приспосабливались к новым условиям войны, поскольку, за исключением потери тринадцати американских колоний, им сопутствовали поразительные успехи в «старорежимных» войнах ограниченного масштаба, которые велись не ради сокрушения врага, а ради приращения богатства и могущества. Согласно британскому конституционному принципу, исходя из того, что «все современные войны затеваются из-за кошелька», военный министр должен быть и министром финансов; но и при этом до 1807–1808 гг. главными направлениями британской стратегии были торговля и колонии, а не операции в материковой Европе. Неккер понимал этот конституционный принцип в тот момент, когда у Франции имелась наилучшая возможность расширить свою колониальную империю за счет британской, но в 1781 г. он не сумел убедить Людовика XVI в необходимости сделать министра финансов главным министром.

Считается, что «французские революционеры вели тотальную войну беспрецедентного накала и беспрецедентного размаха». Наполеон продолжил их работу, «устанавливая новые стандарты алчности всюду, где он проходил». Другие государства, в число которых в конце концов вошла даже Британия, были вынуждены взять на вооружение некоторые принципы массовой мобилизации и изъятия ресурсов просто для того, чтобы выжить. Согласно оценкам, Британия могла выставить около 615 тыс. человек на защиту нации; более скромная цифра в 500 тыс. человек относится к 3–4 процентам населения, непосредственно находившихся на сухопутной военной службе (за исключением еще примерно 110 тыс. человек на флоте). Для соответствия британским пропорциям Франции пришлось бы призвать на службу около миллиона человек, при том что в 1805 г. ее фронтовые войска насчитывали примерно 310 тыс. человек, а население страны составляло 29,6 млн человек. Более половины сил Наполеона в 500 или 600 тыс. человек, вторг-

шихся в Россию, прибыло из других стран, а общее число солдат-иностранцев в наполеоновских войсках доходило, возможно, до миллиона человек. Максимальная численность армии, находившейся в распоряжении Наполеона, теоретически составляла 2,8 млн человек, но в реальности в 1813 г. было мобилизовано 1,1 млн человек, и не все из них были французами. Таким образом, в размерах британских и французских вооруженных сил наблюдалось значительное различие, в основном обусловленное подавляющим превосходством Франции в смысле общей численности населения. Чтобы преодолеть этот разрыв, англичанам приходилось сколачивать и субсидировать коалицию. Последняя стодневная кампания Наполеона в 1815 г. обошлась Британии почти в 7 млн фунтов субсидий. Однако расчет был ясен. Было дешевле потратить по 11 фунтов 2 шиллинга в год на содержание одного солдата-иностранца, чем на мобилизацию и содержание британских солдат в Европе, каждый из которых обошелся бы в 60–70 фунтов. Поэтому субсидии можно было подавать как меру экономии, а безденежность континентальных держав позволила Британии одолеть Наполеона ценой сравнительно небольших финансовых затрат.

Опыт революционного и наполеоновского периодов свидетельствует о том, что могла произойти и закрепиться еще более радикальная перекройка европейских границ, в результате которой на свет появились бы две «сверхдержавы», Великобритания и Франция, обладающие намного большими ресурсами, чем имелось в их распоряжении при «старом режиме»: так бы случилось, если бы Амьенский мир 1802 г. оказался долговечным. Поэтому выживание прочих «старорежимных» государств зависело от их способности полностью мобилизовать свои ресурсы во время войны. В 1805 г. Австрия, а на следующий год Пруссия оказались без средств и были стремительно разгромлены Наполеоном. В смысле фискальной эксплуатации революционный и наполеоновский режимы также имели колоссальное значение. Одним из крупнейших успехов наполеоновской администрации в покоренных землях (если не на родине) была рационализация государственных финансов и увеличение государственных поступлений; но эти достижения в итоге оказались бесплодными вследствие стремительного роста военных расходов. Период почти непрерывных войн в 1793–1815 гг. резко ускорил длительный процесс создания современного фискального государства в Европе.

Заманчиво сделать вывод о том, что Британия в конечном счете одержала верх в конфликте с Францией, в 1815 г. навсегда устранив ту угрозу, которую Наполеон нес ее гегемонии, благодаря предшествовавшей «фискальной революции», которая позволила ей раньше других государств адаптироваться к расходам на войну в глобальном масштабе. Можно даже утверждать, что опыт тотальной войны укрепил за Британией роль экономического лидера в промышленной революции вследствие «каталитического влияния военных импульсов на эко-

номический рост» в том смысле, что военные потребности «представляют собой ключевую детерминанту структуры производства». В ходе европейской истории нам встречается много технических инноваций, которые могли привести к «финансовой революции»; выделять английский вариант «голландских финансов» как единственный фактор успеха было бы чрезмерным упрощением, хотя один лишь английский государственный долг избежал эксцессов «гиперинфляции» в 1790-х гг. и в дальнейшем. Чтобы преуспеть, кредитным структурам приходилось постоянно адаптироваться ради удержания доверия сменявшихся друг друга поколений инвесторов. Английский государственный долг сначала пришлось консолидировать в постоянный и непогашаемый капитал; затем пообещать выплату долгов; а в период революционных и наполеоновских войн понадобились как увеличение налогов в беспрецедентных масштабах, так и отказ от металлического стандарта при конвертации валюты с целью укрепления финансовой системы в эпоху тотальной войны. Ради достижения успеха от английского правительства по-прежнему требовалась разумная стратегия. Но, возможно, в первую очередь было необходимо сохранять экономический рост с целью создания налогооблагаемой прибавки к валовому внутреннему продукту. Ни один из этих моментов нельзя было гарантировать или хотя бы предвидеть. Мирное потребление хлопчатобумажных тканей в качестве источника зарубежных прибылей сохраняло большее значение, чем военные потребности, и кроме того, существует не до конца опровергнутое мнение о том, что «мирные» инвестиции в рост британской экономики были вытеснены финансированием войны — иными словами, что британская экономика могла бы достичь более крупных успехов, если бы не почти постоянные войны с 1793 по 1815 гг. — сперва с Конвентом, затем с Наполеоном. Французская экспансия привела к таким серьезным изменениям в расстановке сил, что изоляция не могла стать серьезным политическим выходом. Потенциальное закрытие европейских рынков для британских товаров грозило обернуться долговременными экономическими издержками. Противники гипотезы о «вытеснении» указывают, что ведение военных действий подняло общий уровень спроса и позволило сконцентрировать рабочую силу и ресурсы, которые иначе оставались бы недоиспользованными. Налоги и займы на ведение войны стали возможными благодаря повышению национального дохода, который, возможно, не имел бы места, если бы не рост государственных расходов в результате войны. Великобритания не обошлась бы без роста населения, составившего в 1791–1811 гг. от 3,7 до 4,3 млн человек; без него экономические затраты на ведение войны могли бы оказаться непосильными. Кроме того, Британия нуждалась в колониальных захватах и случайных приобретениях в смысле усиления колониального проникновения после событий 1807–1810 гг., хотя здесь также существует контраргумент, согласно которому британская заморская торговля с «периферией», то есть

с Латинской Америкой, Карибским бассейном, Африкой и Азией обеспечивала не более 15 процентов инвестиций в промышленную революцию. Если этот аргумент верен, то стоила ли британская политика «синей воды» потраченных на нее денег? Опять же, как и в случае с войной на континенте, ответ скорее всего следует искать в контраргументе о том, что проникновение других стран на колониальные рынки впереди Британии и их закрытие для британского экспорта могло привести к серьезным экономическим потерям: например, в 1808 г. британский кабинет полагал, что «промежуток между захватом французами власти в самой Испании и оккупацией ими испанских заморских колоний может оказаться очень коротким...» Что могло случиться с британской долей во всемирной торговле, если бы Британия была вынуждена выпрашивать мир у Наполеона, который, в свою очередь, старался обратить свои военные успехи в континентальной Европе в экономические преимущества? Вполне вероятно, что в самой Великобритании наблюдалось чистое снижение инвестиций, объясняемое эффектом «вытеснения» в военное время, однако экономические выгоды, следующие из устранения угрозы, которую представляло собой самое могущественное из «старорежимных» государств континентальной Европы, явно перевешивали эти убытки: общая стоимость французского экспорта в 1788 г. вновь вышла на тот же уровень только около 1826 г. Не проводя энергичной политики списания долгов, Франция в 1789 г. не могла позволить себе сохранять статус великой европейской державы. Революционный переворот и войны 1792–1815 гг. привели к утрате ею своей относительной позиции как серьезной угрозы для британского экономического господства.

Перевод с английского Николая Эдельмана